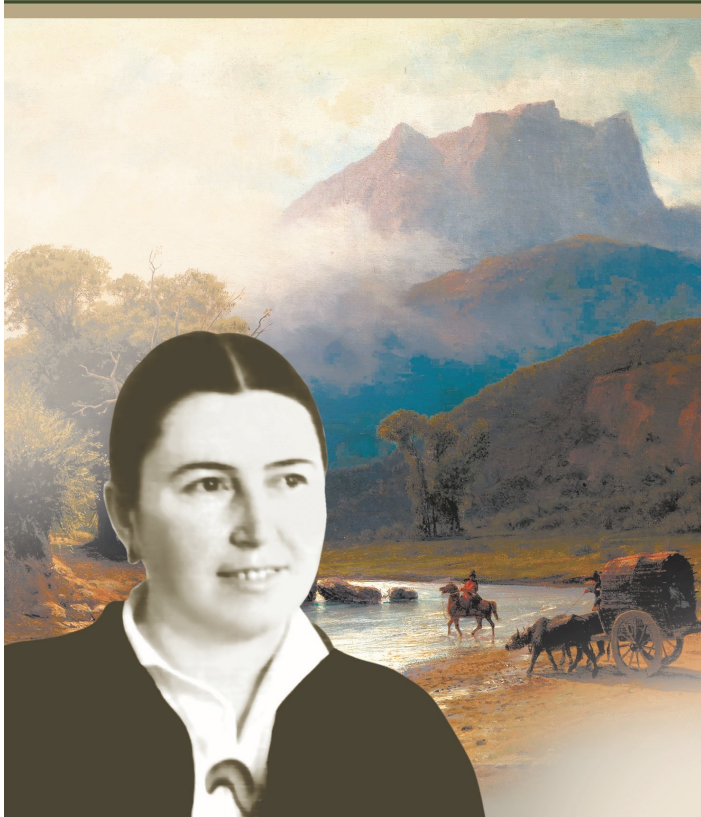

Мария и Морарилова
МОЙ ДЯДЯ ПИР-БУДАГ

Роман

Мариам Ибрагимовна Ибрагимова
Мой дядя Пир-Будаг
Серия «Мариам Ибрагимова. Собрание
сочинений в 15 томах. Том», книга 13

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33395711

Мой дядя Пир-Будаг: ТД «Белый город»; М.; 2017

ISBN 978-5-906727-09-1

Аннотация

Действие романа разворачивается в ауле, затерянном высоко в горах. Пир-Будаг – баловень судьбы. Мариам иронизирует над ним, описывая всю его жизнь, в которой он наломал немало дров. И сквозь юмор прорывается пронзительная мысль: жизнь одна, не тратьте ее попусту, каждый миг неповторим.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

106

Мариам Ибрагимова

Мой дядя Пир-Будаг

© М.И. Ибрагимова, наследники, 2017

© ТД «Белый город», 2017

* * *

Наш аул, приютившийся на склоне величественного и первозданного Кавказского хребта, был похож на груды каменных плит, свалившихся к подножию скалы с громадной высоты. Испокон веков жили в нем мои предки. Жили, как живут и поныне люди в «медвежьих углах», безропотно подчиняясь суровым законам дикой природы, стараясь сохранить лучшее из патриархальных устоев.

Университетом наших отцов был сельский годекан, где собирались мужчины и просиживали часы досуга или ждали очередного призыва муэдзина на молитву в мечеть. Здесь сообщали новости местные и государственные, если доносили их сюда случайные прохожие, приезжие или посыльные. Здесь решали дела житейские, тяжбы и споры. Открыто, неподкупно, при всем честном народе.

Учителями и судьями были убеленные сединами старейшины родов. Это они, почтенные аксакалы, в которых так удачно сочетались житейская мудрость и наивность детей

природы, учили сынов своих и внуков ценить честь и совесть дороже жизни, презирать двуличие и ложь, мириться с нуждой, не бояться горькой правды, служить достойно, не нарушать клятвы и данного слова даже в ущерб себе, быть милосердными к немощным.

Жили бедно в убогих саклях, восхваляя Аллаха за хлеб насущный, которого вдоволь не было. Урожая с жалких клочков плодородной земли едва хватало на полгода даже середнякам. Поэтому вся мужская часть населения, к которой относились и мальчики с восьми лет, изучала помимо дел хлеборобских различные ремесла.

Большинство моих односельчан были медниками и лудильщиками. Каждую осень после уборки урожая спускались они со своих бесплодных высот в плодородные предгорные степи, где в шумных городах и богатых селах искали заработка, чтобы к весне снова возвратиться к семьям на побывку и поддержку.

Некоторые умельцы-отходники со временем переселялись в города с семьями, оставляя в ауле своих стариков, и лишь когда жизненный путь их приближался к финишу, возвращались к могилам предков.

Родители мои тоже в свое время уехали из аула и поселились в одном из губернских городков, где я и явилась на божий свет.

Моему рождению, как и вообще рождению девочки в те времена, видимо, не очень обрадовались. И потому, как

только я встала на ноги и начала понимать, что можно, а что нельзя, меня отвезли в аул к дедушке и бабушке.

Старики были довольны. Они боялись, что, живя в городе, я не буду знать родного языка, обрусую, а еще им, наверное, было скучно без малых детей.

Поскольку в тот бездумный период детства мне было безразлично, с кем жить, я легко перенесла разлуку с родителями и была вполне счастлива, обласканная нашей многочисленной родней.

Мой дедушка Исмаил в те годы считался одним из старейших нашего рода. Неподкупной справедливостью, бесконечной добротой, беспредельной щедростью и разумной строгостью он умел заставить сородичей не только считаться со своим возрастом, но и уважать себя. Говорили, что моему дедушке около ста лет, хотя никто не знал точно, когда он родился. Известно было, что в то время шла русско-турецкая война, а в день рождения лил дождь...

Дедушка даже в пожилом возрасте имел приятный, благообразный вид. Белая, мягкая, как первый горный снег, борода приятно сочеталась с серыми бровями и нежной, розовой кожей лица. Вот только глаза, большие, миндалевидные, были мутными – к старости он ослеп.

Он вынужден был постоянно сидеть или лежать в углу на разостланном шерстяном тюфяке, укрывшись огромной серой шубой из овчины. Шуба была дубленой, приталенной, ей теперь могли бы позавидовать самые взыскательные зако-

нодательницы современной моды. Она служила ему и верхней одеждой, и одеялом. У шубы были длиннющие рукава, резко сужавшиеся книзу. Эти рукава заменяли торбы. В них мой дедушка складывал яблоки, груши, конфеты, орехи – все, что не могло испортиться и что ему как старейшему рода приносили в дни свадеб или похорон наши родственники.

По старинному обычаю дедушку обязательно посещали тотчас после приезда все родные. Они обязаны были не только засвидетельствовать свое почтение, но и доложить о делах личных и событиях, происходящих в мире. И даже те односельчане, которые не имели с нами родства, навещали моего дедушку, как и остальных старейших села, приносили гостинцы. Их дедушка прятал в рукава своей шубы – не для себя, а для меня, он не ел фрукты и сладости.

Если бы он не прятал гостинцы, конфеты и фрукты уничтожал бы за меня мой дядя Пир-Будаг.

Огромная шуба моего дедушки также служила мне надежным убежищем как от холода в зимние дни, так и от преследователей, о которых я расскажу позже.

Моя бабушка Загидат была полной хозяйкой в доме и подчинялась только дедушке. У дедушки было четыре сына: Рашид, Мурад, Арслан-Бек и Пир-Будаг.

Старший, Рашид, жил с отцом. Он был хлеборобом и слыл силачом, в ауле никто не мог побороть его. Камень-диск в местных соревнованиях он забрасывал дальше всех.

У дяди Рашида было две жены: Райганат и Хадижа. Обе

они были бездетны.

Дядю Рашида убил молодой односельчанин Чулан за то, что мой дядя дал оплеуху этому невежде, сыну богача, который не уступил место на годекане бедному старику. Через несколько дней, когда дядя Рашид поехал в окружной центр на базар, Чулан выследил, выстрелил в него и удрал куда-то.

Пуля попала в живот. Раненого привезли домой. Неделю он мучился, а потом умер. Местные знахари ничего не могли сделать, докторов тогда не только в нашем ауле, но даже в окружном центре не было.

Отец и мать убийцы, узнав о смерти дяди Рашида, прибежали к нам, легли на пол, обнажали шеи и сказали:

– Зарежьте нас вместо жертвенных баранов...

А мой дедушка сказал:

– Встаньте и уходите с Богом. Видно, так суждено. Не будем спрашивать с невинных. Настанет час возмездия, и с помощью Аллаха убийца заплатит кровью за кровь.

Жены дяди Рашида – Райганат и Хадижа – не ушли из нашего дома. Они решили до конца дней сохранить верность покойному.

И час отмщения наступил. Чулана разыскали наши родственники.

Зимой он скрывался в одном из сел, расположенных недалеко от губернского городка, в котором жил мой отец. Летом Чулан прятался на вершине одинокого утеса, огромным уступом висящего над рекой. Где-то под тем гранитным

уступом была пещера, доступ к которой был только с одной стороны по крутой козьей дорожке.

Канлы-Чупан (кровник) нанял себе охранника – старого русского отставного солдата. Тот страж отлучался от своего хозяина очень редко и лишь в дневное время. Кому-то из наших родственников удалось подкупить солдата-охранника. Солдат убил Чулана, сбросил его вниз с утеса, а сам скрылся.

Когда к дедушке прискакал из города гонец с вестью об отмщении за смерть Рашида, дедушка велел зарезать барана и устроить «гиргечь», вернее «бир течь», что по-тюркски означает «одна ночь».

В ту ночь в наш дом сошлись все близкие и дальние родственники. Готовили пиршество. Женщины надели свои лучшие наряды. Мужчины расселись в кунацкой, а женщины с огромными подносами на головах – на них стояли яства – стали водить хороводы, кружась по комнате и распевая старинные песни. Потом поставили подносы перед мужчинами и снова начали петь хором.

До утра длилось торжество кровомщения.

Второй сын дедушки – мой отец Мурад – сразу после женитьбы переехал с женой в город и там обосновался, открыв лудильную мастерскую.

Третий сын – дядя Арслан-Бек – был человеком разносторонним. Помимо хлеборобского дела и лудильного ремесла он с отроческих лет увлекался джигитовкой, стрельбой и фехтованием. Высокий, стройный, черноусый и черноглазый

красавец считался нарушителем спокойствия девиц.

Он тоже в юности уехал в город на заработки. Там прикнул к революционным рабочим, вступил в социал-демократическую партию, потом стал большевиком, а в годы революции и гражданской войны командовал отрядом красных партизан.

Мой дядя Арслан-Бек был настоящим горцем, пятиборцем. В те времена специальных физкультурных институтов не существовало, а если бы они и были где-то, вряд ли бы кто-нибудь из наших мужчин стал терять годы, чтобы специально обучаться верховой езде, стрельбе, бегу, плаванию и фехтованию. Этому горцы обучали своих детей с малства в силу необходимости. Нашим транспортом в горах были лошади, на которых ездили и мужчины, и женщины, и дети, и старики. А молодые люди обучались джигитовке, стрельбе, бегу и плаванию сами. В свободное время в ауле устраивали состязания. Вместо шпаги они пользовались шашкой и кинжалом.

Мой дядя Арслан-Бек был большим любителем и знатком лошадей. Его кабардинский скакун считался лучшим в ауле.

Дядя говорил, что лошади и собаки – самые умные из домашних животных, и что обижать их нельзя. Он даже разговаривал со своим конем, и конь понимал его – отвечал ржанием.

Если дяде Арслан-Беку нужно было позвать своего скаку-

на, он закладывал два пальца в рот, издавал свист, и конь, отозвавшись громким ржанием, спешил к хозяину.

Дядя Арслан-Бек никогда не хлыстал своего коня плетью, кнут он носил «для фасона» в голенище сапога. Если надо было тронуть коня с места, он слегка толкал его пятками в бока. Если надо было быстро поскакать, он нагибался и хлопывал ладонью по шее. Удила натягивал, когда въезжал в улочки чужого аула, а к своему дому конь дорогу знал сам и не ошибался даже в кромешной тьме.

Настолько дядя любил своего красавца, что мог не покушать сам, но в первую очередь кормил и поил коня.

Теперь, вспоминая те далекие времена, мне кажется, что если бы дяде Арслан-Беку предложили выбрать одно – коня или жену – он предпочел бы коня.

Четвертый сын дедушки – младший Пир-Будаг – был ба-ловнем судьбы.

После смерти дяди Рашида его оставили дома на хозяйстве. А хозяйство у дедушки было большое: конь, две коровы, телка, бычок, два теленка и один ишак-альбинос, единственный на все село – его легко узнавали по белому окрасу во всем стаде.

Домашний скот и хозяйство мало интересовали моего дядю Пир-Будага. Он любил поесть за троих и поспать до полудня. Лишь только во время посевной и уборочной страды и во время сенокоса, когда нужна была мужская рука, он слегка мог поднапрячь силы.

Ему было, наверное, лет пятнадцать в те годы, но казался он старше. Высокого роста, широкоплечий, крупноносый, рыжий, конопатый, а главное, ленивый. Дедушка недолюбливал его за лень и называл «таммалом» – ленивцем.

Пир-Будаг плохо учил Коран, не хотел молиться, целый день мог играть с друзьями в «альчики» или «абрикосовые косточки».

Была такая игра у наших мальчишек. Выроют ямочку в земле, наберут горсть косточек и бросают с определенного расстояния. Те косточки, что не попадут в ямку, достаются противнику. Меня играть в эту игру не принимали и потому я, улучив момент, подбегала к ямке, хватала косточки – и бегом к деду под шубу. Правда потом, когда выходила на улицу, получала от мальчишек.

В первые месяцы, когда меня привезли из города в аул, дядя Пир-Будаг играл со мной, забавлял, потом, видимо, я надоела ему, и он стал меня прогонять. В особенности, когда я увязывалась за ним на улице.

– А ну марш домой, нечего тебе делать среди мальчишек, – говорил он, а иногда и подзатыльник давал.

Я поднимала страшный крик, бежала к бабушке с жалобой, и бабушка приказывал Пир-Будагу:

– Бери с собой, не спускай с нее глаз и руки не распускай!

За донос я получала щелчок в лоб от дяди Пир-Будага, но зато присутствовала в «мужской» компании.

Потом почему-то в голову дяди Пир-Будага взбрела мысль

тренировать меня в вольной борьбе. Подобрал такого же мелкого, как я, он обращался ко мне с вопросом:

– Сможешь его побороть?

– Смогу, – отвечала я решительно, хотя порой и не была уверена в своей силе.

Дядя Пир-Будаг давал команду:

– Начинайте!

Мы схватывались.

В первое время, несмотря на смелость, решительность и самоуверенность, я терпела поражения. Противники запросто клали меня на лопатки, потому что умели бороться. Тогда дядя Пир-Будаг начал обучать меня правилам борьбы, которым выучился в свое время у старшего брата, покойного Рашида, хотя сам ни с кем не боролся – боялся.

– Ножку надо вот так подставлять, руку вот так выворачивать. А вот устойчивая поза, так надо отражать натиск, – учил он.

Я все исполняла.

Результаты тренировки оказались блестящими. Вскоре самыми строгими арбитрами я была признана «чемпионом» в наилегчайшем весе. Теперь я стала класть наземь не только ровесников, но и тех, кто был чуть постарше и немного посильнее меня.

Со временем я так пристрастилась к борьбе, что начала без судей и зрителей вызывать на состязания всякого встречного мальчишку, разумеется, если он не был значительно

старше меня. При этом схватки начинались без соблюдения каких-либо правил и заканчивались самой настоящей кровопролитной дракой.

В случае, когда я чувствовала, что противник начинает одолевать меня, я прибегала к недопустимым приемам – пускала в ход ногти, зубы. Поднимался крик, сбегались любопытные ребятишки, спешили на помощь взрослые и родственники. И тут я спасалась бегством как трус, но с победоносным видом, поскольку противник был повержен, а против толпы одной не устоять.

Пулей влетала я в дом и под шубу дедушки. Там я чувствовала себя как за крепостной стеной.

– Что ты опять натворила? – тихо спрашивал меня дедушка, склонив ко мне голову.

Я молчала.

Тогда он начинал прислушиваться к крикам приближавшейся толпы, которая состояла большей частью из любопытных.

Навстречу осаждавшим наш дом спешила моя бабушка Загидат. Не ожидая высказывания жалоб и угроз, ибо ей и без того было понятно, в чем дело, она, придав своему лицу многострадальное выражение, истерически похлопывая себя обеими руками по увесистым бедрам, начинала громко причитать:

– О великий Аллах! О владыка, справедливейший из судей! За что ты послал на мою голову такое наказание? Ну

что я могу поделаться? Берите ее! Делайте, что хотите, пусть она станет жертвой вашей!

Последние слова, видимо, оказывали соответствующее воздействие на родителей пострадавших. Сменив гнев на милость, они начинали сочувственно успокаивать мою хитрую бабушку, которая успевала смазать глаза слюной и, сделав вид, что плачет, вытирала их уголками своего платка.

После этого шум прекращался, мои противники отступали, покинув позиции, а бабушка, осушив глаза, начинала наступление в сторону моей «крепости».

– Ах ты, паршивая девчонка! Да сколько же можно? Из-за тебя скоро все село восстановится против нас! Я тебе сейчас задам!

Она хватала палку и делала движение в мою сторону.

Но вот раздавался властный голос моего дедушки:

– Женщина, отойди! Девочка не виновата в том, что Бог по ошибке придал ей женский облик. Она должна была родиться мужчиной! И вообще нет ничего плохого в том, что наша внучка умеет постоять за себя!

– Постоять за себя? Да разве кто-нибудь трогает? Ты, старый, не видишь ничего, а я видела, как при появлении на улице этой «божьей ошибки» бедные дети разлетаются во все стороны, словно воробьи от коршуна.

– Было бы хуже, если бы она в испуге бежала вместе с ними, – говорил мой дедушка, поглаживая меня по голове и благословляя на новые «ратные подвиги».

Видно, любил меня дедушка. С одной стороны, ему говорили, что я чем-то на него похожа, а с другой – за ту заботу, внимание, которые я оказывала ему. Без всякого принуждения несколько раз в день я наполняла его медный кувшин водой, подавала таз, поливала из кувшина на руки и на ноги, когда он совершал омовение. Ежедневно в полдень я отводила его в уборную и ждала за дверью, чтобы привести обратно в дом, а главное, беспрекословно исполняла все, что он скажет.

Мой драчливый характер дедушку не беспокоил. Он был твердо убежден, что со временем я окончательно поумнею. А некоторые были уверены в моей неисправимости. Они говорили: «Жаловаться на нее Исмаилу бесполезно. У этого слепого – слепая любовь к своей дрянной внучке. С божьей помощью он окончательно испортит ее баловством».

В доме моего дедушки, как во всяком порядочном доме, был кот, которого никак не называли, и жил пес по кличке Китмир.

В соседнем дворе жила собака Аргут.

Надо сказать, что всех собак в нашем ауле называли или Китмир, или Аргут, независимо от породы. Других кличек не было потому, что у нас в горах водилась одна порода – кавказские овчарки. Не назовешь же какого-нибудь волкодава Кнопкой, Тузиком или Бобиком, как в городе, где встречаются собаки величиной с крысу.

У нашего Китмира не было двух зубов. Дядя Пир-Будаг говорил, что они выпали от старости.

Китмир был очень миролюбивым и умным псом. Он ни на кого не лаял – и не было нужды зря поднимать шум, в особенности среди бела дня. У нас в селе в то время не было ни одного вора. Люди, уходя из дома, не вешали замки на двери.

В отличие от Китмира соседский пес Аргут был молод и глуп, лаял попусту и днем, и ночью.

Сын хозяина соседнего двора Иса все время дразнил и злил Аргута. Он говорил: «Если щенка или собаку все время злить, она, в конце концов, станет очень злой».

Мой дядя Пир-Будаг уверял, что первым признаком собачьей злости является положение хвоста. Если хвост висит – собака совсем не злая. Если хвост трубой – средней злости, а если вдруг свернут колесом – эта собака очень злая.

У нашего Китмира хвост иногда висел, а иногда бывал задран. У Аргута тоже.

Однажды Иса спросил меня:

– Как ты думаешь, кто сильнее – ваш Китмир или наш Аргут?

Я, конечно, ответила, что наш Китмир сильнее, хотя сама не была уверена в этом.

Тогда он предложил:

– Давай посмотрим. Веди своего Китмира на улицу, а я приведу Аргута, заставим их драться.

Мне не хотелось: все же Китмир был старей, у него не было двух зубов, а Аргут – моложе и сильнее. Но делать было нечего, я вывела Китмира со двора.

Иса с Аргутом ждали меня на улице.

Мы подвели друг к другу своих собак. Они стали обнюхиваться, но драться не хотели, видимо, не желая нарушать добрососедских отношений.

Тогда Иса ударил по голове своего Аргута и стал силой подталкивать к моему Китмиру. Я тоже стала подталкивать Китмира сзади.

Первым зарычал и оскалил зубы Аргут. Китмир же подошел к нему боком и показал клыки.

Иса еще раз толкнул Аргута на Китмира так, что мой пес отшатнулся и клацнул зубами. Аргут начал наступать на Китмира, и вдруг обе собаки стали на дыбки, стараясь схватить друг друга за морды. Потом, ударив грудью, Аргут свалил моего Китмира и впился зубами в горло.

Иса торжествовал.

Видя, что Китмиру несдобровать, я кинулась на Аргута сзади и, схватив за хвост, так дернула, что он разжал пасть и, резко вывернувшись всем корпусом, хотел укусить меня.

Я успела отбежать.

За это время вскочил на ноги мой Китмир и впился зубами в ухо Аргута. Аргут издал дикий визг и, вырвав окровавленное ухо из пасти Китмира, пустился наутек.

Иса, ругаясь и потрясая кулаком, пошел на меня, говоря,

что это нечестно, что мы с Китмиром вдвоем напали на его Аргута. Но Китмир, как подобает настоящему другу, угрожающе зарычал на Ису и схватил его за пятку, когда тот, сделав последний шаг, поднес кулак к моему носу.

Китмир был умным, он не прокусил пятку Исы до крови, а, видимо, только ущипнул. Но этого было вполне достаточно, чтобы мальчишка оставил свои намерения. Он присел и сделал вид, что разглядывает свою ногу.

А на самом деле он знал, что когда нападает собака, бежать нельзя, надо присесть. Это значит, что человек сдается и собака не тронет, если она не бешеная. Так поступают люди, если где-нибудь возле коша на них нападают чабанские волкодавы.

Я обхватила руками шею Китмира и сказала Нее:

– Иди, он не тронет. Будем считать, что твой Аргут и мой Китмир по силе равны.

На это компромиссное соглашение я пошла, учитывая, что Иса был постарше и посильнее меня и при встрече в удобном месте один на один мог надавать мне тумачков.

Придя домой после выигранной «собачьей дуэли», я присела на краешек дедушкиного матраса и спросила:

– Дедушка, ты не знаешь, что означают клички Китмир и Аргут?

– Это собачьи клички, – ответил дедушка.

– Я знаю, что клички, а сами слова что означают?

Дедушка задумался, потом ответил:

– Не могу сказать, в нашем языке встречаются слова, значение которых никто не может объяснить.

Позднее, когда я жила в городе, в городской библиотеке мне попала потрепанная книга, изданная до революции. Я очень любила читать и выбирала потрепанные, потертые книжки, зная, что они зачитаны, потому что интересны. Это был сборник очерков старого царского офицера, участника Кавказской войны.

Читая описание набега мюридов первого имама горцев Дагестана Казии-Муллы на темирханшуринское укрепление, я обратила внимание на два слова «донгуз Аргут». «Донгуз» означает «свинья», а «Аргут», оказалось, от фамилии Аргутинский.

О командующем войсками на Кавказе генерале-фельдмаршале Моисее Захаровиче Аргутинском я читала много. Это был мужественный человек, талантливый полководец, выигравший множество блестящих сражений в борьбе с непокорными горцами.

Кроме всего, генерал Аргутинский как мужчина был истинным рыцарем. Он презирал трусость, не терпел изменников, не признавал шпионов и лазутчиков. Ему были чужды вероломство, слепая месть и многоликость, свойственная дипломатам. Нескрываемой концентрацией сил, видимой подготовкой к действиям, открытым движением он предупреждал противника о готовящемся наступлении. Грузный, немногословный, несуетливый, он восседал на своем

коне с полузакрытыми глазами, и казалось, был погружен в дремоту. Но в критические минуты он оживал и, как азартный игрок, неожиданно меняя ход, стремительным ударом решал исход боя.

Даже сам Имам Шамиль – легендарный вождь свободолюбивых горцев – относился к генералу Аргутинскому почти-тельно, как к достойному противнику. История сохранила в летописи движения горцев такой факт: когда на склоне лет фельдмаршала Аргутинского разбил паралич, один из набов Шамиля, бывший царский генерал, илисуйский султан Даниель-Бек, изменивший России, перешедший на сторону Шамиля, принес последнему «радостную» весть:

– Ликуй, мой имам, благодаря Аллаху один из наихудших врагов твоих скован болезнью.

Шамиль ответил:

– Разве можно радоваться такому страшному горю, если даже оно постигло худшего врага? Аргут, как военачальник – умелый, храбрый и великодушный, хотя и был нашим противником, но, как человек чести, достоин сочувствия.

Что же касается простых, темных горцев, им не было дела до всяких воинских достоинств царского генерала. Для них он был кровный враг, несущий насилие и смерть. А потому называть его свиньей или пса нарекать его именем было не грешно.

Ну а позднее, когда прекратились войны и забылась вражда, а с ними имена лучших и худших, несведущие потомки,

не задумываясь над значением слов, продолжали нарекать старыми кличками своих собак.

Что же касается Китмира, то его кличка оказалась истинно собачьей и дошла до наших дней из глубины веков¹.

Вообще к собакам мусульмане относятся благосклонно, хотя стараются лишний раз не осквернять себя прикосновением к ним, поскольку после этого необходимо совершить омовение. В Священном писании мусульман говорится, что собака, несмотря на то, что живет за дверью и получает от хозяина обглоданные кости, на Страшном Суде пред ликом Всемогущего «всяко старается поубавить грехи хозяина, благодарствуя даже за те жалкие объедки, что кидал хозяин». Кошка же, напротив, несмотря на то, что живет в доме, в тепле и довольствии, представляет душе усопшего всякие претензии за малейшие обиды.

Почему обо всем этом не знал мой дедушка – самый умный и многознающий – трудно сказать. А может быть, он и знал, просто не хотел мне рассказывать. Иначе чем можно было объяснить его нежное, покровительственное отношение к нашему старому противному коту.

Этот никак не называемый кот, с длинным туловищем и

¹ Согласно Корану, 18-й суре «Пещера», Асхаб аль-Кахф (араб. «обитатели пещеры») – молодые люди – спрятались с собакой в пещере, чтобы уберечь свою веру в единого Бога во время преследований. По преданиям, имена этих молодых людей были Ямлиха, Максалина, Маслина, Марнуш, Дабарнуш, Сазануш и Кафататайшуш и имя их собаки – Китмир. В некоторых мусульманских странах имя Китмир надписывали на посланиях, чтобы уберечь последние от пропажи.

длиннющим хвостом, имел очень непривлекательную внешность. К тому же вся шерсть на его спине была выжжена от постоянного сидения и лежания под горячей железной печкой, которая стояла в комнате дедушки. Мягкая черная кожа на спине кота была похожа на сбитые носки ботинок.

Меня тошнило, когда я смотрела на облезлую спину кота, в особенности во время еды. А дедушка обязательно каждый раз заставлял меня класть еду в мисочку кота, которая стояла возле двери. Я делала это нехотя, проклиная в душе это когтистое существо.

Мой дядя Пир-Будаг тоже терпеть не мог кота и пинал его, если тот попадался под ноги.

Однажды после обеда, видя, как я морщусь, поглядывая на кота, дядя Пир-Будаг движением глаз указал мне на дверь. Это значило, что он хочет что-то сказать мне так, чтобы не слышал дедушка. Когда он вышел, я поспешила за ним.

– Послушай, – сказал он, нагнувшись ко мне, – ты можешь занести куда-нибудь этого противного кота? Дармоед, лежит целыми днями, мурлыкает, а по нему мыши ползают.

В лени дядя Пир-Будаг сам не уступал коту, а про мышей была вовсе клевета. Так я подумала, а вслух ответила:

– Могу, а куда заносить?

– Бери и заноси куда хочешь.

– Как взять? Он же может поцарапать меня.

– А ты на руки не бери. Привяжи веревку за шею и тащи. Я спустилась в погреб, нашла веревку, сделала петлю, по-

том зашла в комнату. Кот, словно чувствуя беду, уселся рядом с дедушкой. Я потихоньку стала приближаться к нему.

А дедушка спрашивает:

– Кто здесь?

– Это я, – отвечаю.

– Ты что, шкодишь?

– Нет, я так просто, воды хочу напиться из твоего кувшина.

– Пей на здоровье!

Я подошла смело, подняла кувшин, сделала глоток, потом, опустив его на пол, согнулась, накинула петлю на шею кота и потащила.

– Ты что делаешь? – спросил дедушка.

– Прогоняю кота!

– Что он сделал?

– Облизывает твою миску, – соврала я.

– А почему ты ее не убрала?

– Уберу! – крикнула я, вытащив во двор сопротивляющегося кота.

Потом выволокла его за ворота и потащила наверх к площади, где люди молотили осенью зерно. Несчастный кот рвался, прыгая из стороны в сторону, жалобно мяукал и хрипел, кидался вверх и фыркал. Сбежалась детвора. Свистя и улюлюкая, они шли следом за обезумевшим от страха котом.

Миновав площадь, я подошла к крутому обрыву с расщелиной, куда хотела бросить кота. Но потом раздумала, по-

считав, что дедушка рассердится, когда узнает. Тогда я обвязала конец веревки вокруг большого камня, торчащего из земли, и сказала ребятишкам:

– Идемте, пусть он один сдыхает здесь.

За то время, пока я тащила ни в чем неповинного кота на казнь, две девчонки из соседнего дома успели сбегать к нам и сообщить дедушке о том, что я уволокла животное и хочу сбросить его с обрыва, куда сбрасывают дохлых собак. Дедушка сказал девочкам, чтобы они догнали меня и велели немедленно вернуться к нему.

Я быстро побежала к дому и, не заходя, с порога громко спросила:

– Дедушка, ты звал меня?

– Да, иди побыстрее.

– Зачем?

– Нужна ты мне.

Я вошла, остановилась у его постели.

– Где кот? – строго спросил дедушка.

– Нет его.

– Куда ты его дела?

– Увела далеко.

– Я спрашиваю, куда?

– К обрыву, оттуда выбрасывают дохлых собак.

– Зачем ты это сделала?

– Мне дядя Пир-Будаг сказал занести его куда-нибудь, кот

таммала², целыми днями спит, по нему мыши ползают.

– Почему ты не спросила меня?

Я молчала.

– Негодяй, я ему покажу! Иди и сейчас же приведи кота обратно! Быстро!

Я побежала.

Не только потому что побаивалась деда, но еще и потому, что мальчишки могли забить кота камнями, а дедушка был бы очень расстроен.

К счастью, кот оказался цел и невредим. Выбившись из сил от безуспешных попыток вырваться из петли, он лежал под камнем и часто дышал. Увидев меня, он вскочил на ноги, выгнул спину дугой и оцетинился, как делал это при виде собак.

Я не решилась подойти к нему и снять петлю с шеи. Подошла к камню с другой стороны, развязала веревку и воскликнула:

– Чит! – так говорили у нас, чтобы прогнать кошек.

Кот понял, рванулся вперед и, почувствовав свободу, помчался к селу, волоча за собой веревку.

Когда я вошла в комнату, кот уже был там, сидел возле деда. Веревка валялась в стороне. Дедушка, видимо, развязал ее и отшвырнул.

– Ты пришла? – спросил дедушка, услышав мои шаги.

– Да.

² Таммала – лентяй.

– А ну, подойди сюда!

Я подошла.

– Садись!

Села.

Тогда он начал говорить:

– Запомни, кошки, собаки и все остальные животные созданы, как и мы,⁸ люди, единым Аллахом. Они тоже хотят жить и кушать, как и мы. Им также бывает больно и обидно, когда их бьют. Только они бессловесны и не могут высказать свои недовольства, обиды, пожаловаться на боль. Тех людей, которые издеваются над животными, Бог наказывает на этом свете и на том за обиды, причиненные беззащитным тварям.

– Но ведь собаки и кошки умеют защищать себя, они царапаются и кусаются, – заметила я.

– Да, они вынуждены это делать, когда их обижают. Вот ты тоже начинаешь драться, когда тебя кто-нибудь обидит или даже без всякого повода.

– Но ведь он противный, старый. Я не люблю его.

– Ах вот как, значит, ты и меня не любишь за то, что я старый...

– Нет, я люблю тебя. Ты же не кот, а мой дедушка.

– Так вот, внученька, знай, что старость никого не красит и отнимает не только красоту, но и силы. А у некоторых – в особенности у тех, кто был глуп от роду – и последний разум. Все, что случается, происходит по воле Аллаха, а коли так, значит, не следует идти против его предначертаний, ибо

все хорошее и плохое, что мы делаем другим, когда-нибудь обернется тем же для нас. Запомнила?

– Запомнила!

– Не будешь больше так поступать?

– Не буду!

– Вот и хорошо, а с ним я поговорю еще, – сказал дедушка, имея в виду Пир-Будага.

Когда Пир-Будаг пришел домой, дедушка позвал его и начал говорить:

– Послушай, ты зачем учишь девочку жестокостям?

– Я учу? Да она сама кого хочешь научит. Не на меня, а на нее все село жалуется. Это волчонок настоящий, а не ребенок. От нее все бегут на улице.

– И ты?

– И я! – соврал дядя Пир-Будаг.

– Боже мой! Надо же дожить парню до такого! Не знал, что моя внучка держит в страхе все село, в том числе и тебя!

– Боялся я этой соплячки! – начал оправдываться дядя Пир-Будаг, бросая презрительные взгляды.

Так дерзко никто не разговаривал с моим дедушкой.

Когда дядя Пир-Будаг ушел, хлопнув дверью, я подошла к дедушке, обняла его и сказала:

– Больше никогда не буду слушаться Пир-Будага.

А дедушка говорит:

– Нет, внученька, ты должна слушаться его. Он старше тебя, твой дядя, и какой он ни есть, а все-таки мужчина.

В один летний день рано утром дядя Пир-Будаг вошел в половину, где спали женщины, и разбудив меня, сказал:

– Вставай быстрее, сегодня наша очередь пасти телят. Пойдешь ты, а я не могу – дела.

В комнате никого не было. Бабушка и тетушки поднялись до рассвета и ушли в поле.

– Хорошо, – сказала я спросонья, но потом передумала. – Как же я могу пойти? Кто подаст дедушке еду, наполнит кувшин водой, польет на руки, отведет в уборную?

– Ничего, один как-нибудь обойдется без твоей помощи. Жил же раньше без тебя. Иди, а ему ничего не говори.

– Ну ладно, – согласилась я, быстро оделась, насыпала в сумку несколько горстей толокна, положила кусочек сыра и выбежала во двор, откуда доносился голос Псы. Он тоже шел пасти телят.

Откровенно говоря, когда я увидела его, у меня испортилось настроение. Я знала, что он на меня сердится со дня, когда мы стравили своих собак. Но делать было нечего, пришлось идти.

Когда мы пригнали телят на горный лужок, Пса с двумя другими мальчишками отделился от меня и стал с ними о чем-то шептаться. Не обращая на них внимания, я спустилась к роднику, вокруг которого росло много съедобных трав, очень вкусных, и начала кушать. Через некоторое время Иса позвал меня и сказал:

– Ты что, пришла сюда гулять? А ну иди, пригони вон тех телят, – он указал пальцем на вершину, куда забрели два телятка.

Я побежала.

Потом он заставил меня пригнать телят, которые спустились к реке и стали пить воду.

И их я пригнала.

Затем Иса сказал:

– В стаде не хватает одного телятка, иди ищи его.

Я пошла, ходила почти до полудня. Дошла до стада наших коров, спросила у пастуха, не забрел ли в его стадо телянок. Он сказал:

– Никакого телятка здесь не было, я не видел.

В горах возле пастбища водилось много крупных оводов. Словно тучи летали они над коровами, которые отбивались от них хвостами. Набрасывались они и на меня, в особенности на мою пораненную руку, словно чувствовали кровь. Руку я поранила во дворе, упав на камни. Сопровождаемая тучей жужжащих оводов, я вернулась к телятам.

Иса говорит:

– Телянок нашелся, он не пропадал. Мы сбились со счета, когда считали их.

Я промолчала, села рядом, потянулась к своему мешку. А в нем ни толокна, ни сыра. Я ничего не сказала, опять опустилась к роднику, стала кушать траву. Солнце стояло высоко посреди неба, это значило, что время полуденное. Не

успела я «заморить червячка», как слышу: опять кричит Иса:

– Ты что гуляешь? А ну подымайся, телята разбрелись!

Я разозлилась и ответила ему:

– Сам сгоняй, хватит, я полдня бегала за ними, а ты лежал, да еще съел мои харчи.

– Ах ты, войлочный зверек! Я тебе сейчас покажу! – он стал быстро спускаться к роднику.

Я испугалась, но внешне не показала, приняла вызывающую позу, успев заметить камень, который решила пустить в ход в крайнем случае.

Иса подбежал и толкнул меня в грудь.

Я отшатнулась, но устояла на ногах, почувствовав, как злоба вскипает во мне.

Иса подошел и ударил меня кулаком в щеку. Метил в нос, но я успела отвернуть голову.

Тогда, недолго думая, я схватила камень и с силой запустила в него.

Камень попал в лицо.

Он закрыл лицо обеими руками, а я кинулась вниз, сорвалась со склона осыпающейся щебенчатой горы и кувырком покатила в долину.

Щебень был мелкий. Он толстым слоем покрывал склон. Конечно, крупное животное или человек легко могли сломать конечности, а я скатилась как мяч, даже не ушиблась.

Внизу ни я не видела мальчишек, ни они меня. Но на всякий случай я отошла подальше в сторону, влезла под камен-

ный навес над речушкой и решила ждать, пока там наверху у моих врагов улягутся страсти. Так делал дядя Пир-Будаг, натворив что-нибудь. От него и я научилась прятаться, пока пройдет острота чьих-либо возмущений.

Прошел час, другой. Возвращаться наверх я не стала, было рискованно, хотя меня очень интересовало состояние Исы. «Но раз они не подняли шум, не повели пострадавшего в село, значит, все обошлось», – подумала я и успокоилась.

Когда солнце село, Иса с мальчишками погнали телят к селу. Я видела их, когда они поднимались по дороге. Домой я пошла следом за ними, только окольным путем, зайдя с окраины нашего города.

Оказывается, после моего ухода дядя Пир-Будаг снова улегся в постель, никаких дел у него не было. Где-то в полдень его разбудил дедушка, который забеспокоился, думая, что это я сплю так долго.

– А где Лейла? – спросил у него дедушка.

– Не знаю, – соврал дядя Пир-Будаг, а может, и забыл, что послал меня пасти телят.

– Может, ее взяли с собой женщины? А ну пойди поищи на улице, если нет, значит, она с ними.

Дядя Пир-Будаг пошел, а потом, наверное, вспомнил, куда послал меня, и уселся на годекане. Когда телят пригнали в аул, он подошел к Псе и прежде чем спросить, где я, увидел огромную шишку на его лбу.

– Кто это тебя так разукрасил? – спросил он Псу.

– Твоя племянница, – грубо ответил Пса.

– А где она? – испуганно спросил дядя Пир-Будаг.

– Бросилась с обрыва, я не толкал, спроси у них, – Пса кивнул на своих товарищей.

Дядя Пир-Будаг, схватив за руку одного из мальчишек, сказал:

– Бежим, покажи, откуда она бросилась.

Вернулся дядя Пир-Будаг, когда совсем стемнело, и увидев меня возле дедушки, сделал удивленные глаза, а потом улыбнулся и приложил палец к губам – мол, помалкивай.

А я подумала: хорошо, что не рассказала дедушке обо всем случившемся, а ограничилась тем, что целый день пасла телят.

Но все-таки дедушка поругал Пир-Будага.

Сначала он спросил:

– Сын мой, с каких пор в нашем селе стали посылать девочек пасти скот?

– Не скот, а телят, – уточнил дядя Пир-Будаг, добавив: – ничего в этом плохого не вижу.

– Да, конечно, нет ничего плохого даже в самом грязном, но честном, добросовестном труде. Но все-таки испокон веков труд был разделен на мужской и женский, и ты, пожалуйста, не нарушай правил, утвержденных теми, кто был поумнее тебя.

Много из того, что говорил и как поучал отец, влетало в

одно ухо Пир-Будага, а в другое тут же вылетало. Меня это не очень волновало бы, если бы не его забывчивость, непослушание и постоянное стремление перепоручать мне порученное ему. Все это было связано с неприятностями и риском, возникающими самым неожиданным образом.

Скажу для примера.

Бабушка, обращаясь к Пир-Будагу, говорит: «Сынок, сбегай на луг, приведи коня, хочу завтра утром поехать на базар».

Другой, хороший сын сразу побежал бы, а он молчит, смотрит на меня, моргает и кивком головы дает знать, мол, иди ты.

Луг, на котором пасется наш стреноженный конь, совсем недалеко, даже виден из нашего окна. На дворе еще светло, хотя в комнате зажгли керосиновую лампу.

...Дядя Пир-Будаг вышел в прихожую, снял с гвоздя уздечку и кинул мне. Я схватила ее и побежала.

Конь щипал траву. Услышав шаги, он приподнял голову, посмотрел на меня и снова начала щипать.

Я подошла к нему, держа в обеих руках уздечку так, чтобы удобнее было надеть. Только хотела сунуть меж зубов удила – конь фыркнул и задрал голову. Я подождала, пока он опустит ее и снова станет щипать траву.

Так делала несколько раз. Конь не поддавался. Дотянуться до его поднятой морды я не могла никак, да еще он, несмотря на опутанные канатом ноги, медленно уходил вверх, в гору.

Стало темно. Я боялась темноты. В ауле уже во всех окнах горел свет.

Я решила вернуться обратно и шла, от страха громко напевая песню, так, чтобы не слышать звуков и шорохов, доносившихся отовсюду. Когда я вошла во двор, увидела дядю Пир-Будага. Он спросил:

– А где конь?

Я сказала, что не привела его потому, что он задирает голову все время, как только я пытаюсь надеть уздечку.

– Дай сюда! – воскликнул он и, взяв из моих рук уздечку, вышел во двор.

На другой день, когда бабушка вернулась с базара, дядя Пир-Будаг расседлал коня и, бросив мне повод, приказал:

– Веди, напои, потомними снимии уздечку и пусти на луг.

– Уже темно, я боюсь...

– Кого боишься?

– Волков.

– На кой черт ты им нужна? Да при виде тебя самый матерый уйдет, прижав хвост.

– Я не могу снять уздечку.

– Ничего, снимешь, наклонив голову, конь не будет сопротивляться. Он не дается, когда хотят надеть и увести с пастбища.

Я стояла в нерешительности.

– Ну что стоишь? Не хочешь идти пешком – поезжай верхом, – сказал он и, подняв меня, посадил на спину лошади.

Я хотела закричать, позвать бабушку, сказать, что не хочу ехать. Но потом передумала, вспомнив, что дядя Пир-Будаг никому не сказал о том, что я разбила камнем голову соседскому мальчишке Исе. И сам Иса почему-то не стал распространяться на это счет, наверное, стеснялся сказать, что какая-то девчонка набила ему шишку.

Пока я думала об этом, сидя на коне, дядя Пир-Будаг взял его за уздцы, вывел на улицу и хлопнул по боку.

Конь пошел.

Сидеть на неоседланном коне детям очень неудобно, в особенности, если он идет по крутому спуску. Я все время съезжала на шею, и чтобы не перевернуться, крепко ухватилась за гриву и уперлась руками в холку. Так было надежнее.

В долине у самой реки оказалась канава, промытая ливневым потоком. Когда конь перепрыгнул через эту канаву, я полетела в лужу.

Очутившись в воде, не столько от боли, сколько от страха стала кричать, звать на помощь, хотя можно было обойтись и без нее.

На мой протяжный крик прибежал сельчанин Муса, возвращавшийся с охоты. К тому времени я вылезла из лужи и, заливаясь плачем, уселась на берегу реки. Конь, не обращая на меня внимания, стал пить воду, фыркая и мотая головой.

– Что с тобой? Что случилось? – спросил охотник Муса.

– Упала с лошади в лужу, чуть не убилась, – проговорила я сквозь слезы.

– Чем ударилась?

– Задом!

– Ну это ничего, лишь бы не головой, – успокоил охотник

Муса.

– Лошадь чья?

– Наша. Ее надо отогнать на пастбище, сняв уздечку.

– Хорошо. Ты посиди, я сейчас, – сказал охотник Муса.

Он повел коня вверх по тропке, на бугре остановился, снял уздечку, стегнул ремешком коня, тот побежал вверх. Охотник Муса вернулся ко мне. Он поднял свое ружье, которое до того положил на камень возле меня.

– Идем! – сказал он, беря меня за руку.

Я встала и, похрамывая, зашагала рядом. Вся одежда на мне была мокрой и липла к телу. Дрожа от холода, я едва успевала за охотником. Войдя со мной в дом, он сказал:

– Вот внучка ваша, она упала с лошади в лужу, а это уздечка.

Видя, что испуганные взоры бабушки и тетушек обращены ко мне, я стала плакать еще громче.

– Как ты очутилась на лошади возле речки? – спросил дедушка, приподнявшись с постели.

– Меня посадил дядя Пир-Будаг, он велел мне напоить коня, снять уздечку и пустить коня на луг.

– Ты ушиблась?

– Да, чуть не убилась, – приврала я.

– Да нет, ничего страшного, она просто села в лужу, –

успокоил охотник.

Дедушка поблагодарил Мусу, и он ушел. Бабушка и тетушки стали быстро раздевать меня, чтобы переодеть в сухое. Потом уложили под шубу дедушки, где я и уснула.

В тот вечер дядю Пир-Будага не стали ругать, чтобы не разбудить меня. Утром ему досталось от дедушки.

Однажды к нам приехал гость из соседнего района. Он искал знахаря, который бы мог снять порчу с его малолетнего сына. Их мулла и знахарь не могли ничего сделать, а мальчик бился в припадках.

В нашем ауле таких знахарей не было. Дедушка порекомендовал кунаку сходить в базарный день в окружной центр и поспрашивать у людей.

Гость, уходя, оставил дедушке абрикосы. Дедушка положил их в рукав шубы. Дядя Пир-Будаг и я видели, как дед, дав нам по несколько штук, спрятал остальные в рукав, чтобы потом выдавать мне.

Дядя Пир-Будаг отнял у меня косточки от абрикосов, а потом, показав пальцем на рукав дедушкиной шубы, открыл свой рот, ткнул в него пальцем и сделал умоляющее выражение лица. Это означало, что я должна влезть в рукава шубы и украсть абрикосы.

Я отрицательно покачала головой.

Тогда он оскалил зубы и сделал свирепое выражение лица.

Но я не испугалась. Когда он вышел во двор, я пошла за

ним. Дядя Пир-Будаг схватил меня за шиворот, тряханул раза два и спросил:

– Почему не взяла абрикосы?

– Просто не хочу без разрешения брать, – ответила я.

– Хорошо, хорошо, – сказал дядя Пир-Будаг, – как только ляжем спать и погаснет свет, я напущу на тебя домового.

Тогда все верили, что в каждом доме бывают домовые. У нас его называют «сухасулу». Дядя Пир-Будаг говорил, что сам видел его несколько раз и установил с ним дружеские отношения. Он даже показывал, какие пальцы на руках у домового, что он этими кривыми пальцами душит человека и что домовый не ходит, а прикатывается на четвереньках.

Сначала я не поверила дяде Пир-Будагу, спросила у дедушки, есть ли домовый или нет. Дедушка ответил, что сам его не видел, но говорят, что он живет в каждом доме. А я сказала, что дядя Пир-Будаг сам видел несколько раз домового и наладил с ним дружеские отношения.

Дедушка воскликнул:

– Пир-Будаг врет! Люди, которые общаются с домовыми и чертями, не такие дураки, как он.

...Но ты не бойся, – продолжал дедушка, – домовые хороших детей не трогают.

А бабушка добавила, что люди, которых душит домовый, должны класть под подушку Коран.

Тогда я поняла, почему дедушка всегда держал Коран под головой.

В ту ночь, когда дядя Пир-Будаг пригрозил мне домовым, я долго не могла уснуть, все думала. Раз домовый существует и душит людей, как знать, может, и в самом деле дядя Пир-Будаг общается с ним по ночам, а под утро засыпает так, что его трудно бывает разбудить.

Я осторожно встала со своей постели и пошла к дедушке, помня, что у него под головой был Коран.

– Кто тут? – спросил дедушка, когда я потрогала его.

– Это я, Лейла. Можно я с тобой посплю? А то я боюсь одна.

– Пошла бы легла возле бабушки, – сказал дедушка.

– Я хочу с тобой, – прошептала я, устраиваясь под боком.

Однако не сказала, что у бабушки под подушкой нет Корана.

Все жители нашего аула в те годы были суеверными. Много интересных праздников справляли они. Но мне больше других нравился праздник изгнания духов и встречи весны.

Накануне женщины лепили из теста баб с руками, ногами, головами, делая глаза, носы, рты из яиц, орехов, кишмиша, укропа, а потом пекли их.

Мужчины уходили к хутору или в долины, где из особой глины лепили снаряды, утыканные обломками сухих прутиков, потом их несколько дней сушили. Эти глиняные зажигательные снаряды метали с помощью пращи в мнимый вражеский стан.

Предварительно делили аул на две части. Перед тем, как

начать обстрел «противников» глиняными горящими снарядами, на площадях зажигали огромные костры из соломы. Женщины, более подверженные проникновению злых духов, начинали прыгать через костры, а мужчины, в основном молодежь, метали горящие снаряды. Если какой-нибудь снаряд попадал на сеновал и возникал пожар, тогда все с медными кувшинами и черепичными ковшами бросались тушить.

Перед уходом на праздника спросила у дедушки, в каком месте обитают духи. Он ответил:

– В душе, – и показал на грудь.

– А что они делают в нашей душе? – снова спросила я.

– Злые духи борются с добрыми.

– А кто побеждает?

– Человек умный и честный своей волей помогает доброму духу подавить злого, приносящего вред.

После этих объяснений, боясь, что я не смогу в достаточной мере помочь доброму духу, сидящему в моей груди, я так усердствовала, изгоняя злого духа прыжками через пылающий костер, что сожгла штаны, платье и обожгла ноги, потому что была босиком.

Босиком у нас тогда ходили все: и взрослые, и дети – не было обуви. На зиму обувь шили сами из войлока или сыромятины, а калоши, привезенные из городов, считались роскошью. И потом, самых крепких башмаков не хватило бы на месяц, если ходить в них по нашим каменистым тропам и улочкам.

Порезать ногу было нечем. Железок нигде не валялось, битого стекла не было. Бутылки не водились – никто не употреблял вино и водку, разве только у какого-нибудь лудильщика могла найтись бутылочка из-под соляной кислоты. Это не то, что на улицах и в парках городов – все усеяно осколками. Видно, одни, напившись, случайно роняют и бьют, а другие, недопив, разбивают пустые бутылки в гнев.

И не только у нас в ауле, но даже в бывшем губернском городке редко встречались пьяные люди. Я помню, в те годы у нас на весь город было два алкоголика. Один – русский – очень приличный человек. Даже помню его фамилию – Писарчук. Второй – наш местный горец – его звали Карабек. Этот совсем опустился, под заборами валялся, весь грязный. Одна женщина, проходившая мимо лежащего без чувств от опьянения Карабека, сказала, поплевав в сторону:

– О, милосердный Аллах! Избави от подобного позорища дитя мое и моих близких, уж лучше пошли ему смерть, чем такую судьбу.

Мой дядя Арслан-Бек – третий сын дедушки – жил в одном из портовых городов России. Работал лудильщиком, имел доступ на военные корабли – в камбузы – лудить котлы. Он сошелся с городскими и портовыми рабочими-революционерами и поддерживал связь большевиков города с военными моряками. Позже он сам вступил в партию большевиков. В то время Россия воевала с Германией. В стране назре-

вала революция.

Для жителей нашего аула та война ничего не значила. Они были далеко от мест, где носились смерчи сражений. Но мой дедушка беспокоился за своего сына Арслан-Бека, который сочувственно относился к русским.

И не только Арслан-Бек, в русской армии были целые войсковые подразделения, состоявшие из горцев Кавказа – добровольцев кавалеристов, которые во все трудные для России времена становились на защиту русского государства.

Дедушка был человеком миролюбивым, он говорил Арслан-Беку:

– Сын мой, не впутывайся в бунтарские дела. Ты человек малограмотный, занимайся своим ремеслом. Пусть русские сами решают свои дела. Все равно кто-то должен возглавить страну. Без вождей и правителей людям нельзя жить, как без вожаков – зверям и птицам. И кто знает, какими будут те, кто станут на место царя.

– Отец, – говорил Арслан-Бек, – после царя к власти придет народ – рабочие, крестьяне – будет настоящая свобода и равенство.

– А разве тебя кто-нибудь неволит? – спросил дедушка и продолжал: – Тебе же никто не запрещает заниматься любимым ремеслом, торговлей, ехать куда угодно, жить где угодно – лишь бы не разбойничал и не преступал установленные законы.

– Так-то оно так, но что могут сделать крестьяне без зем-

ли, рабочие без фабрик, заводов. И почему один должен жить в роскоши за счет труда и пота тех, кто создает блага земные?

Старик задумался, потом снова ответил:

– Может быть, ты и прав, сын мой. Мы люди бедные, религиозные, привыкли уповать на Бога и довольствоваться тем, что он дает нам, не завидуя имущим, не тая злобу на них. В своих малых делах разбираемся с трудом, а о бытие и делах чужого народа, большой страны понятия не имеем. Меня как отца одно беспокоит: твое благополучие, твоя жизнь. После смерти Рашида в моей душе воцарился мрак, я ослеп от горя, грусть и печаль не покидают меня. И только в молитвах нахожу утешение. Тебе, сын мой, это чувство непонятно. И не дай бог когда-нибудь понять, пережить горе утраты. Ты, сынок, человек неглупый, живи и делай, что можешь делать, но только во имя добра, да сохранит тебя Аллах!

Перед началом Октябрьской революции дядя Арслан-Бек вернулся в Россию, несмотря на уговоры дедушки побыть дома.

До нашего аула доходили слухи о том, что царь Николай покинул престол и в стране воцарились неразбериха, борьба за власть и междоусобица. А через некоторое время ураган войны ворвался на Кавказ.

В горы ливневым паводком хлынули турецкие аскеры во главе с небезызвестным братом военного министра Турции генералом Нури-Пашой и его сподвижником генералом Из-

зет-Пашой. Со стороны Баку Дагестан и Чечню наводнили англо-американские интервенты. Вслед за ними из Ирана двинулся Бичерахов, чтобы воссоединиться со своим братом Бичераховым-младшим, поднявшим мятеж терского казачества. С севера, сметая все на своем пути, шла добровольческая армия Деникина.

Белогвардейцы хозяйничали не только в городах Чечни и Дагестана, но и проникли в глубины гор, вплоть до нашего аула. А внутри страны с первого дня установления в России Советской власти поднялись мятежные силы внутренней контрреволюции во главе с помещиком имамом Гоцинским и его духовным единомышленником шейхом Узун-Хаджи.

Советское правительство бросило свои резервные силы в помощь народам Кавказа, поднявшимся на борьбу со всеми захватчиками.

В это смутное время под покровом ночи приехал Арслан-Бек домой с тяжелыми тюками, которые спрятал на сеновале. Дедушка очень встревожился, узнав, что там огнестрельное оружие. Он спросил у Арслан-Бека:

– Зачем тебе столько?

Арслан-Бек ответил:

– Оно понадобится для тех, кто примкнет к нам.

– К кому это к вам? – не унимался дедушка.

– Красным, большевикам. Одними кинжалами и шашками не обойтись...

Через день, выйдя из мечети, дядя Арслан-Бек сказал гла-

шатаю, чтобы он объявил сход. Когда на площади собрался народ, дядя Арслан-Бек подъехал на коне, в черкеске с газырями, черной папахе, весь обвешанный дорогим оружием. Обратившись к народу, он начал говорить:

– Дорогие братья-мусульмане! В эти черные дни, когда жадные руки поработителей со всех сторон потянулись к нашим горам, мы не должны оставаться равнодушными и позволить надеть на себя новое ярмо чужеземного рабства. Теперь, когда в русском государстве утвердилась народная власть, когда отобранные у богачей земли, фабрики и заводы отданы крестьянам и рабочим, мы, следуя примеру русских, должны с их помощью установить народовластие в нашей стране. Это нужно сделать для нас и наших потомков силою оружия. Я большевик, революционер. Меня направил сюда Ревком формировать партизанский отряд из добровольцев, чтобы преградить путь мятежникам, которые должны прийти с той стороны, – Арслан-Бек показал рукой в сторону гор, граничащих с Аварией. – А теперь желающих добровольно записаться в отряд красных партизан прошу подходить, называть свои имена.

Дядя Арслан-Бек вынул из планшетки, висевшей на боку, блокнот и карандаш. Первым подошел наш родственник Гасан, за ним последовали поочередно сначала близкие родственники, потом дальние, за ними соседи, друзья, просто желающие из бедняков, мечтавших о клочке земли. Не пожелали вступить в отряд мужчины и молодежь из зажиточ-

ных семей, а также из духовенства.

Женщины аула, поднявшись на крыши ближайших к площади домов, наблюдали за происходящим. Несколько смелых девиц забрались на крышу навеса над годеканом и оттуда разглядывали мужчин, стыдливо прикрывая глаза платками.

Одна из этих девиц, дочь местного овцевода Асват, не отрывала глаз от Арслан-Бека. А он и в самом деле был неотразим. Высокий, стройный, с тонкими чертами белого лица, на котором выделялись лихо закрученные кверху черные усы и большие темные глаза. И, конечно, словно влитый в черкесское седло, на великолепном кабардинском скакуне, увешанный блестящим оружием, отделанным вороненым серебром с золотой насечкой, он мог свести с ума наших красавиц.

И свел. Асват влюбилась в него и не стала скрывать разгоревшихся в сердце пламенных чувств, зная, что у Арслан-Бека была нареченная с детства и сосватанная невеста Иза.

Закончив запись добровольцев, Арслан-Бек по команде построил их в шеренгу и объявил:

– Быть готовыми к завтрашнему утру во всеоружии с лошадьми и недельной провизией.

Вечером в нашем доме собрались все близкие и дальние родственники, дядя Арслан-Бек раздал им огнестрельное оружие. В первую очередь тем, кто умел хорошо стрелять.

Утром конники построились в ряды и двинулись под зву-

ки зурны и барабана к райцентру, сопровождаемые толпой женщин и детей. Пир-Будагу дядя Арслан-Бек сказал:

– Ты останешься дома, будешь смотреть за всем, что происходит в селе, когда придут враги с той стороны. В тот день, когда они начнут выступать в нашу сторону, ты оденься нищим (это значило надеть шубу, вывернутую наизнанку, старую папаху, повесить торбу через плечо, взять в руки посох) и приди к нам.

Через несколько дней после того, как отряд красных партизан во главе с дядей Арслан-Беком ушел из нашего аула, с той, граничащей с Аварией стороны, показался вооруженный отряд горцев. Одни ехали на лошадях, другие шли пешком.

Увидев их, жены, матери, сестры вступивших в отряд красных партизан испугались, похватали узелочки с едой, одеждой и, убежав из села, попрятались.

Представители местного духовенства выступили навстречу мюридам шейха Узун-Гаджи и приветствовали их.

Видя опустевшее село, один из предводителей мюридов спросил у муллы:

– А где же ваш народ?

Мулла ответил:

– Одних обманным путем увели из села вероотступники, другие разбежались от страха.

– Мы не собираемся никого трогать, пусть возвращаются к своим очагам, – сказал предводитель мюридов.

Тогда глашатай влез на самую высокую крышу села и начал созывать тех, кто убежал.

Через день отряд мюридов стал готовиться в путь. Дядя Пир-Будаг нарядился нищим и отправился в сторону райцентра. Застава мюридов, стоявшая на крутом перевале, пропустила его без вопросов.

Через неделю дядя Пир-Будаг вернулся домой. Он рассказал, что сторонникам шейха удалось прорвать оборону красных и что последние под натиском врагов отступили вниз. И еще сказал, что в течение всего этого времени он помогал красным партизанам на их позиции, носил воду, еду, пас коней, возил хлеб из пекарни, а потом седлал лошадей перед отходом партизан.

Около полугода в аулах высокогорья шли сражения с войсками-гази, которые нахлынули со стороны Грузии, отступив туда после первого подавления мятежа имама Гоцинского.

Наступила зима, суровая, голодная, потому что несколько лет подряд были неурожаи. Бабушка в черном траурном платье и платке, которые не снимала со дня смерти старшего сына Рашида, все время вздыхала, вытирая слезы, а дедушка читал молитвы.

Тревожно было на душе и у остальных родственников – как ни говори, а война есть война, и никто не застрахован от самых страшных неожиданностей. Люди ждали всякой весточки, окружали каждого пришлого или проходящего мимо, желая узнать новости.

Доходили слухи о том, что снизу из России на помощь местному ополчению и партизанам переброшены регулярные войска и что они, преследуя остатки разбитых отрядов имама, снова загнали их на крутые высоты Аварии, граничащие с Грузией. Эти слухи оказались достоверными.

В одну из завьюженных зимних ночей в окно нашего дома постучали. Бабушка выглянула и увидела человека в длинной бурке, запорошенной снегом, голова его была закутана белым башлыком.

– Мама, это я, – тихо сказал дядя Арслан-Бек.

Бабушка, всплеснув руками, кинулась к нему. Все в доме поднялись, забегали, встал на ноги и дедушка. Вытянув вперед обе руки, в одном ночном белье он, словно большой ребенок, неуверенно ступая ногами, пошел навстречу сыну. Радость встречи с вернувшимся из боев трудно описать.

Вместе с дядей Арслан-Бекком вернулись многие партизаны. Пали в местах сражений четыре человека. Но войны без жертв не бывает, хотя каждый, идя туда, надеется, что выживет. А когда наступает смерть, уносит с собой тайну последних дум.

Зима в том году была лютая. Большие снегопады одели окрестные горы, крыши домов, узкие улочки села в пышные наряды, дышащие свежестью и снежным ароматом. Кажалось, все погружено в зимнюю спячку: и люди, и природа. Лишь голубые струйки дыма, медленно поднимавшиеся к небу говорили, что там, под снежными сугробами, лежа-

щами на ступенчатых крышах, теплится жизнь.

Изредка выходили люди из дому в это время. Трижды в день, накинув большие овчинные шубы на плечи, спешили мужчины в мечеть. Женщины в клетчатых шерстяных пледах торопились к источнику по воду. Асват каждый раз спешила с кувшином на плече в то время, когда муэдзин, забравшись на минарет, звал правоверных в мечеть.

Дядя Арслан-Бек тоже ходил молиться. Только тяжело-больным и немощным мужчинам разрешалось молиться дома, как и женщинам. Вообще женщинам не положено было переступать порог храма.

Так и бегала Асват трижды в день к источнику, хотя вода им не всегда бывала нужна. Ей хотелось хоть издали глянуть на Арслан-Бека, овладевшего ее сердцем и мечтами.

И что вы думаете? Она настолько отчаялась от любви, что в одну из завьюженных ночей с узелком в руках явилась в наш дом, закутанная в плед.

Удивленный дядя Арслан-Бек, видимо, догадался, в чем дело, и сразу повел ее в кунацкую. Тетя Райганат поспешила следом и припала ухом, а потом и глазом к замочной скважине. В доме все зашушукались.

Через некоторое время в комнату вбежала тетушка Райганат и как ни в чем не бывало присела у печки. Следом зашел дядя Арслан-Бек и попросил женщин выйти.

Мы ушли в женскую половину, и там Райганат зашептала: – Клянусь Аллахом, прибежала к нему и прямо заявила:

«Арслан-Бек, я не могу больше жить без тебя». А он говорит: «Но ведь у меня есть невеста, давно засватанная». Она говорит: «Знаю, но ничего не могу поделать с собой, если ты меня прогонишь, брошусь в пропасть, а домой не вернусь». Тогда Арслан-Бек сказал: «Ну хорошо, я сам не могу решить этот вопрос, в доме есть старший, против воли отца я не пойду».

После этого сообщения тетушка Хадижа припала ухом к двери дедушкиной комнаты. А я, сгорая от любопытства, не выдержала, оттолкнув ее, вбежала в комнату и влезла под шубу деда.

Дедушка и Арслан-Бек не обратили на меня внимания, настолько они были поглощены чрезвычайным событием. Я, высунув голову из-под полы шубы так, чтобы можно было дышать, вся превратилась в слух. Не знаю, о чем они говорили раньше, но, когда я начала подслушивать, они почему-то оба молчали, задумчиво глядя перед собой. Я сначала подумала, что они не хотят говорить при мне, но потом раздался голос дедушки:

– Что ж, ничего не поделаешь, любовь ослепляет и охмеляет хуже самого крепкого напитка. Не будем брать грех на душу. Если вернем ее обратно, она и в самом деле решится на самоубийство. Значит так суждено. Посылай за муллою, узаконим брак.

Я мгновенно выскочила из-под шубы и поспешила донести до женской половины решение главы дома.

Никто не удивился, не возмутился, не стал осуждать дочь

барановода за такой решительный шаг. Ничего предосудительного в этом не увидели, потому что так поступали в нашем селе и другие девушки, если влюблялись, а надежды на замужество за желанного не было.

Обычно побеги из отчего дома влюбленные девицы совершали под покровом ночи. Некоторых, если не по душе избраннику, возвращали по-хорошему домой, причем родственники героя всяко старались сохранить тайну побега. Если жених не отказывался, свадьбу устраивали.

Иногда влюбленные мужчины, когда родители невесты чинили препятствия браку, заведомо договаривались с девицей, заставляли ее совершить побег к себе. Это тоже было своего рода умыканием невест.

Сразу после благословения дедушки дядя Арслан-Бек послал Пир-Будага за муллой, а тетушки Райганат и Хадижа побежали за родственниками, которые должны были взять на себя роль свидетелей при оформлении брака по шариату. Бабушка накидала кизяков в печь и поставила на нее медный казан с вяленным мясом и вяленой колбасой для угощения муллы и свидетелей. Короче говоря, в ту ночь почти никто в нашем доме не спал.

Когда мужчины собрались в кунацкой, тетушки ввели туда с женской половины невесту. Я тоже пошла вместе с ними. Потом тети вышли, сказав мне: «Идем». Но я не подумала уходить. Чтобы не мешать при таком важном деле, я присела в стороне возле стенки и прикрылась занавеской.

Мулла Омар-Гаджи – важный, с белой бородой в высокой папахе, обвязанный белым полотнищем – горделиво восседал на огромной подушке с Кораном и четками в руках. Рядом с двух сторон сидели дедушкины племянники – дядя Идрис и дядя Ильяс. Арслан-Бек стоял справа, Асват слева. Мулла сначала сам читал какую-то молитву, потом протянул руки вперед, на них дядя Арслан-Бек положил свою, после этого мулла спросил:

– Арслан-Бек, сын Исмаила, согласен ли ты стать мужем Асват, дочери Абул-Гамида?

– Да, согласен, – сказал дядя Арслан-Бек.

Потом мулла сделала знак, чтобы Асват положила руку на руку Арслан-Бека и, обратясь к ней, спросил:

– Асват, дочь Абул-Гамида, согласна ли ты стать женой Арслан-Бека, сына Исмаила?

– Да, согласна, – смущенно прошептала невеста.

Тогда мулла начать читать какую-то новую молитву а дядя Арслан-Бек и Асват повторяли за ним. После окончания брачного ритуала мулла воскликнул: «Амин!», – и провел обеими руками по своим длинным усам и белой бороде. Свидетели тоже сказали: «Амин!».

После этого невесту увели в комнату Арслан-Бека, а перед мужчинами поставили еду. Только под утро гости разошлись, и все мы улеглись спать.

Пока мы спали, слух о побеге Асват к Арслан-Беку разошелся по всему аулу и, несмотря на завывающую пургу, за-

бегали из сакли в саклю женщины, разнося сенсационную новость, до которых так падки бывали наши сельчанки, оторванные от большого света.

Весна – прекрасная пора пробуждения природы. Она кажется неотразимой даже в наших бесплодных горах, покрытых лишайниками и скудной растительностью, где даже в тихих долинах не найдешь не только дерева, но даже кустика. И это несмотря на то, что весеннее тепло обнажает кривые улочки с серенькими саклями, с заборами, облепленными лепешками свежего кизяка, и со всяким мусором, накопившимся за зиму.

К солнцу – яркому, слепящему, греющему – начинают тянуться все – и старые, и малые, – а потом набрасываются на съедобные травы, самые свежие, чуть пробивающиеся. Ведь в горах наших нет фруктов, нет овощей. В русских пригородах и селах крапиву, лебеду, конский щавель, мяту и прочие травы, названия которых я знаю на родном языке, относят к сорнякам, у нас их ели и в сыром виде, и блюда вкусные готовили.

Весна тех лет радовала людей, как радует всех голодных и холодных.

За годы войны бедность вселилась почти во все дома. Оскудела и наша сакля.

Дядя Арслан-Бек собирался в город после вспашки земли. Зерно, сбереженное для посева, не тратили, перешли на конский горох. Не лучше жили и другие.

Недели за две до начала посевной сельский глашатай вдруг объявил сход. Сначала думали, что староста села хочет собрать людей для расчистки дороги. Все поспешили на площадь, и дядя Арслан-Бек тоже.

Когда у годекана собрались все, староста поднялся и, обратившись к Арслан-Беку, стал говорить:

– Брат наш, Арслан-Бек! Ты сын хорошего отца, человек мужества, чести, овладевший знаниями наук и военного искусства. Год тому назад ты пришел к нам вооруженный и вот с этого места стал призывать односельчан к борьбе с угнетателями. Ты обещал народу после установления Советской власти землю. Мужчины оголили оружие и пошли за тобой. За обещанную землю и волю некоторые положили головы. Теперь, когда те, кому суждено было вернуться, вернулись, вложили в ножны кинжалы, клинки, повесили на стены кремневки и огляделись вокруг, увидели, что ничего не изменилось и даже стало хуже. На жалких клочках земли нечего сеять. Последние горсти пшеницы пожарены и розданы неимущим, детям и старикам. Падает скот. Хвала Аллаху за то, что пригрел землю и покрыл травой. В пору и нам переходить на подкожный корм, благо, что край богат съедобными травами. Но это не выход из положения. На травах и корнях продержимся недолго. Что делать? Остается одно: покинуть насиженные места и спускаться вниз. Или есть выход другой?

Тогда начал говорить мой дядя Арслан-Бек:

– Отец мой Юнус! И вы, дорогие односельчане! Я не из тех, кто может отказываться от своих слов. Да, я обещал вам свободу, равенство и землю. Я повторял слова великого Ленина – вождя всех угнетенных народов. Свобода завоевана. Равенство утверждено, земля отобрана у богачей и отдана крестьянам. Но послевоенная разруха, голод и нищета одолевают не только наш край, но и всю Россию. Так что нет смысла оставлять свои очаги и спускаться вниз всем скопом. Советская власть не виновата в том, что наши предки волею судеб вынуждены были поселиться среди этих бесплодных высот. Наберитесь терпения, напрягите усилия. Я останусь здесь, разделю с вами участь и, быть может, с помощью властей что-нибудь сделаю. Я напишу письмо Ленину в Москву, попрошу совета и помощи.

– Да поможет тебе Аллах! – раздались голоса.

Несколько дней дядя Арслан-Бек сочинял письмо Ленину. Он умел читать и писать по-русски, но с трудом, а Ленину надо было написать хорошо, и поэтому он поехал в райцентр. Там в райсовете грамотный писарь переписал письмо, правильно обозначил адрес и отправил.

Ответа ждали с нетерпением долго. Наконец, в наш аул из райцентра приехал гонец с предписанием, чтобы дядя Арслан-Бек немедленно явился туда. Ему сказали, что из Москвы от Ленина пришел приказ кресткому³ выделить земельный участок для нашего сельского общества.

³ Крестком – крестьянский комитет.

Как только дядя Арслан-Бек вернулся домой, он сразу сообщил радостную весть дедушке. После этого пошел к сельскому глашатаю и велел ему созвать сход, чтобы доложить обществу об ответе, полученном от Ленина на адрес крестьянского комитета. Когда народ собрался, дядя рассказал о содержимом ответного письма и решении кресткома и райсовета.

– Согласно этому решению, – сказал он, – нашему сельскому обществу выделена часть земли, отрезанная от пастбища, принадлежащего соседнему селению. Это целина, выделенная для общественного пользования. Следовательно, поднимать ее, обрабатывать, пахать, сеять и убирать надо всем обществом. Собранный урожай будем делить на всех работавших поровну. Такая форма общественного труда называется коммунной. Мы ее сейчас организуем, согласны?

– Согласны! Согласны! – слышались голоса.

– Секретарем коммуны выберем Дауда, он человек грамотный; председателем коммуны буду я – согласны?

– Согласны! – ответили хором.

– Тогда подходите к Дауду поочередно и записывайтесь.

– А чем будем засеивать ту землю? – спросил староста.

– Пшеницей, – ответил дядя Арслан-Бек.

Староста ухмыльнулся. Трудно было поверить, что дядя сможет найти столько пшеницы, чтобы хватило для посева на всем выделенном участке.

Дядя Арслан-Бек на другой день написал письмо моему

отцу и, никому ничего не говоря, отправил в город дядю Пир-Будага. В послании говорилось:

«Приветственное письмо! Много мирных дней желают тебе, дорогой брат мой Мурад, а также твоей жене Аминат, сыновьям Гасану, Гусейну и Гамиду, отец твой Исмаил, мать Загидат, родственницы Райганат, Хадижат и все остальные.

Получили твое письмо, уяснили ваши думы, желанья.

Теперь хочу сообщить, что все твои родные, близкие и односельцы, впав в крайнюю нужду, дошли до истощения. В поисках выхода из трудного положения, мною было послано прошение в Москву на имя Ленина. Он, да будет над ним благословение Аллаха, отозвался на просьбу и прислал повеление здешнему крестному выделить земельный участок для нашего общества возле теснины, называемой «Убежище шайтанов», где жители соседнего села пасли свой скот.

Эта целина, усеянная валунами, которую придется поднимать. Сохой там ничего сделать нельзя, нужен плуг. Просим тебя купить его для нас. Кроме того, если твое состояние позволяет, купи еще мешок пшеницы для посева.

Если ты исполнишь эту просьбу, в которую вложены желания и надежды наших сельчан, мы вернем тебе сполна все долги, когда божья благодать снизойдет в наш оскудевший край. Брат Арслан-Бек».

Мой папа заложил ростовщику все, что было ценного в

доме. На вырученные деньги купил три мешка пшеницы, плуг, два тюка бязи, мешок кукурузной муки, несколько мерок фасоли.

Нанял арбу с бычьей упряжкой, на всякий случай вооружил Пир-Будага кремневой винтовкой. Надо отдать должное дяде Пир-Будагу, несмотря на несовершеннолетие, он научился у партизан стрелять, когда был в отряде Арслан-Бека.

Итак, вооружившись кремневой винтовкой, которой можно было при нападении воспользоваться только раз (ибо до того, как стрелок успеет ее перезарядить, противник мог пробежать версту и броситься в рукопашную), мой дядя Пир-Будаг сел на прикрытые соломой мешки и благополучно доехал на арбе до райцентра. Здесь он выгрузился в доме кунака, расплатился с аробщиком и отправил хозяйского сына в село за ишаками и людьми.

К селению нашему от райцентра можно было добраться только верхом или пешком по крутым тропам и перевалам. Все наши родные были безмерно обрадованы, а некоторые даже возгордились, когда целый караван ишаков с сопровождающими прибыл в село.

Это был пятничный день – день поминаний и пожертвований. Мой дедушка приказал сварить большой котел зерен пшеницы, заправить кашу жиром вяленого курдюка, добавить семян тмина для принятия аромата и разнести по бедным домам. И еще он велел один тюк бязи разрезать на куски и раздать бедным родственникам, обнищавшим вдовам и

сиротам.

В эту пятницу в наш дом без конца шли люди, чтобы выразить благодарность моему дедушке, его сыновьям и остальным родственникам, пожелать им земных благ, а усопшим – вечного блаженства в райских чертогах.

В те дни, когда дядя Пир-Будаг был отправлен в город за плугом и зерном, дядя Арслан-Бек, собрав всех членов своей коммуны, пошел поднимать целину.

Мне тоже дедушка разрешил идти с Райганат и Хадижой, а жене дяди Арслан-Бека как молодой невестке позволили остаться дома.

Мужчины шли во главе с дядей Арслан-Бекком впереди. Женщины с кирками, лопатами шли за мужчинами. Вездесущие мальчишки и девчонки, в их числе и я, замыкали шествие.

Земельный участок, выделенный жителям нашего села, был расположен на плешивом пологом склоне. Он был отделен впадинами от других высот, обращенных в широкую долину, на дне которой струилась небольшая речушка.

С северо-западной стороны участка громоздились тесным скопом обрывистые скалы, отвесные стены которых с несолнечной стороны опускались в мрачную теснину, сплошь загроможденную осколками гранита и большими валунами. Эти безжизненные серые скалы, на вершинах которых обитали орлы, люди старались обходить. А нас, детей, которым было привычно однообразное уныние гор, это «Убежище

шайтанов» привлекало таинственностью, устрашающим названием.

И, конечно же, пока взрослые в поте лица занимались выкорчевыванием больших камней и обломков скал, скатившихся на плато, мы гурьбой побежали к «Убежищу» и с суеверным страхом заглядывали сквозь трещины и расщелины в бездну. Через некоторое время секретарь-писарь коммуны Дауд позвал нас и спросил:

– Вы зачем сюда пришли?

Я ответила:

– Так, просто.

– Так просто не бывает! Нечего бездельничать. То, что будет посеяно здесь, будете кушать и вы. Принимайтесь за работу!

– А что нам делать? Мы же не можем поднимать большие камни, – сказал один мальчишка.

– А маленькие сможете? – спросил писарь Дауд.

– Сможем, – ответила я.

– Тогда немедленно принимайтесь за работу. Собирайте все камни и камешки. Покрупнее будут собирать те, что постарше, а малыши – помельче. Снесите вон туда, там межа, – указал пальцем Дауд на черту, обозначающую раздел нашего участка с частью, оставленной за жителями соседнего села. И еще писарь Дауд сказал:

– Не собирайтесь кучей и не вертитесь под ногами у взрослых, разделитесь по двое и разойдитесь по всему участку,

начинайте с верхней стороны.

Мы принялись за работу и очень старались, потому что нас хвалили взрослые.

Работали до вечера. Только один раз сделали перерыв. В полдень, чтобы покушать. Кушать особенно было нечего – лишь горстка толокна, принесенного с собой, да серовато-черные, величиной с палочные обломки галушки из молотого гороха, твердые как камень, а еще галушки из кукурузной муки, величиной с кулак Эти «блюда» даже без чеснока и вяленого бараньего жира считались деликатесом и в самом деле были очень вкусными, в особенности кукурузные семена, которые до помола были поджарены.

Целую неделю ходили члены коммуны во главе с моим дядей Арслан-Бекком и с секретарем Даудом очищать от камней целину К приезду дяди Пир-Будага с плугом и зерном участок был очищен. Но мы – детишки – больше не ходили туда, потому что свою работу по сбору мелких камешков успели сделать за один день.

Мы побежали на целину в день проведения первой борозды.

Это был настоящий праздник. Для вспашки пригнали четырех бычков, чтобы запрягать попеременно. Сверкающий серебром новенький плуг повезли на ишаке, зерно тоже. И еще взяли деревянные мерки с ремнями, четыре штуки, для посева зерна.

Когда впрягли бычков, прежде чем начинать вспашку

и сев, обратили взоры к небу и воскликнули: «Бисмиллах!» (что означает «с Богом»). Ребятишки, толкая друг друга, кинулись к борозде, я тоже.

Мы стали искать земляные плоды, похожие на мелкую репу, очень сладкие и вкусные. Их у нас называют «картошкой». Я очень любила эти необыкновенные плоды и, откровенно говоря, за ними пришла сюда, как ходила всегда на свое поле, когда его вспахивали. Но нас, детей, разочаровали взрослые, сказав, что на целинной земле они не водятся, но могут появиться потом.

Поле засеяли.

Прошло время. Пшеница на поднятой целине взошла плюшевым ковром изумрудного цвета. Потом она поднялась, заколосилась, заволновалась от дуновения ветра. А члены коммуны во главе с председателем ликовали, глядя на первые дары природы в своем коллективном поле.

И вдруг в одно ясное летнее утро в аул прибежал парнишка, стороживший свое гороховое поле, и сообщил, что на участке коммуны бродит большое стадо коров.

Мужчины, собравшиеся у мечети к утренней молитве, члены коммуны, бросились в ту сторону. Побежали и мой дядя Арслан-Бек с Даудом, захватив палки и веревки.

Но было уже поздно. Заколосившаяся пшеница на краю поля была вытоптана скотом.

Дядя Арслан-Бек и остальные члены коммуны захватили четыре коровы и двух бычков из того стада, пригнали в аул

и закрыли в хлеву.

Вечером явились хозяева коров и бычков вместе с несколькими представителям старейших соседнего села. На встречу вышли наши старейшие и члены коммуны.

Наш староста спросил:

– Откуда пожаловали? С какими нуждами?

Тогда с их стороны выступил седобородый человек:

– Дорогие соседи, братья! Видит Аллах, не по нашей вине случилось это происшествие. Пастух слаб умом, не доглядел. Скотина тварь бездумная, в чем виноваты владельцы животных?

– Мы не предъявляем вам обвинение и не думаем, что вы сделали это назло за то, что у вас не по нашей вине отрезали часть пастбища. Мы не просили именно этой земли. Но, получив этот участок, мы вложили большие силы и средства всем обществом. Мы вернем ваших коров и бычков, если вы – все жители, владельцы скота – сложитесь и возместите ущерб.

– Нет у нас средств и возможностей для возмещения ущерба, многие из наших жителей с трудом пережили эту зиму и не знают, как протянут дальше, если Аллах не смилостивится.

– Хорошо, – сказал мой дядя Арслан-Бек, – пусть нас рассудят те, что поставлены у власти в районе, ибо я вижу, мы не разрешим наш спор.

Представители соседнего села и хозяева скота ушли.

Дядя Арслан-Бек в тот же день подал жалобу в райисполком. Утром из райцентра прискакал почтальон, который одновременно являлся посыльным. Он сказал старосте собрать к полудню всех членов нашей коммуны.

Местом сбора назначили целинное поле. К указанному времени мужчины пришли.

Пострадавшие и обвиняемые долго спорили. В конце концов, представители власти вынесли решение оштрафовать виновных, разложив всю сумму штрафа подымно, то есть на каждый дом. Возмущенные жители соседнего села грозились написать жалобу городским властям, но, видимо, раздумали.

В оставшееся время года дядя Арслан-Бек занимался с дядей Пир-Будагом своим хозяйством. Они накопили лучшей глины возле одного аула, привезли ее во двор, потом, поднимая в мешках и плетенных корзинах на крыши комнат и сеновалов, намазали их, чтобы не капало с потолков во время дождей и снегопада.

Перед уборкой урожая дядя Арслан-Бек собрал членов своей коммуны, расчистил и расширил дорогу, ведущую к целинному участку. Потом они вырыли канаву, обложили ее гольшами и повернули в сторону коллективного поля русло родника, который выбивался из-под скал «Убежища шайтанов».

Урожай со своих полей в том году собрали хороший, накосили и заготовили сено.

Осенью дядя Арслан-Бек хотел поехать в город, но дедуш-

ка удержал его, сказав:

– У мужчины должно быть одно слово. Раз ты обещал обществу остаться с ним и заниматься земельными делами, выполни обещание.

Дядя Арслан-Бек остался, и всю зиму скучал от безделья.

Весной, сказав писарю Дауду, что оставляет его своим заместителем в коммуне, дядя Арслан-Бек уехал в город, не объяснив причины отъезда. Настроение у членов коммуны было упадническое, судя по моим теткам Райганат и Хадиже. Они говорили:

– Зачем ему нужно было связываться с этой целиной, отнятой у соседей? Сколько труда вложили и без толку. Разве эта каменная ограда со стороны соседской межи может служить преградой для проникновения на поле?

В общем, моим тетушкам не нравилось коллективное поле.

Дядя Арслан-Бек не задержался в городе. Через неделю мы получили известие, что он в райцентре, требует прислать ишаков с мешками.

Сначала мы думали, что дядя привез пшеницу или горох. Но потом узнали, что он везет картошку прямо на целинный участок. Члены коммуны снова воспряли духом, взяли лопаты, пошли сажать. Все-таки в таком месте на корнеплоды было больше надежды, чем на пшеницу.

Посадили на всем поле. Несколько человек, выбывших из коммуны по собственному желанию, теперь сожалели, про-

сились обратно, но им отказали как «неустойчивым элементам».

Картофель взошел, появилась ботва, завязался цвет, радость коммунаров была беспредельна. Все они, глядя на ряды картофельных кустов, поплевали, как это положено делать от сглаза. Но беда и на сей раз пришла неожиданно.

Зампредседателя коммуны Дауд, сердце которого, видимо, предчувствовало недоброе, а может ему приснился плохой сон, чуть свет поднявшись, побежал в поле и, пораженный увиденным, воскликнул: «Вах!».

Все картофельное поле от края и до края было вытоптано скотом.

Он прибежал в село, первым долгом сообщил моему дяде Арслан-Беку.

Дядя подскочил с места, схватил висящие на стене маузер и берданку, опоясался кинжалом и выбежал на улицу. Его примеру последовали и остальные мужчины – члены коммуны.

Вооруженный таким образом отряд побежал в сторону соседнего села. За ними поспешили старейшие аула, потом старухи и детвора.

Я тоже побежала, держась за платье своей бабушки.

Многие не знали, куда и зачем бегут, только догадывались. Жители соседнего аула, увидев со своих крыш бегущую по их дороге толпу, тоже решили вооружиться и выйти навстречу – только оружие свое спрятали под одежды, по-

скольку было не положено встречать идущих неизвестно зачем с оружием в руках.

Но все же, видимо, они догадывались, чем вызвано появление непрошенных гостей. Идя навстречу нашему отряду, они взяли с собой муллу и кадия. Мулла шел с раскрытым Кораном, кадий – с хлебом. За ними шли аксакалы, а потом мужчины средних лет и моложе. Это означало, что они следуют для мирных переговоров.

На расстоянии нескольких шагов друг от друга стороны остановились.

Некоторое время те и другие, глядя друг на друга, молчали. Первым нарушил напряженную тишину мой дядя Арслан-Бек. Выступив вперед, он начал говорить:

– Вы мусульмане или племя «агжу-магжу»?

Само по себе это слово можно отнести к неологизму нашего наречия. Во время нашествия орд монголов сына Чингисхана, Батыея, на Кавказе одному из предводителей войск, а именно Субедей-Багатуру, удалось проникнуть в горы Дагестана. Наши люди, увидев невиданных до тех пор всадников – свирепых, желтокожих, коренастых, с раскосыми глазами, с длинными черными жесткими волосами, заплетенными в косу и связанными узлом на затылке, – сидящих на неоседланных, косматых конях, ужаснулись, решив, что это исчадие ада, назвали их «агжу-магжу». Но не оробели перед странным воинством. Вооружились даже женщины-горянки.

– Зачем унижать достоинство тех, кто предстал перед ва-

ми со священными изречениями Аллаха? – спокойно сказал мулла и тут же добавил: – Чем возмущены ваши сердца?

В это время подошел наш седоусый староста. Он отстранил движением руки вспыльчивого Арслан-Бека и сказал:

– Не хорошо поступаете, не по-добрососедски...

– А что мы сделали? – раздались голоса из толпы.

– Запустили опять скот на наш общественный участок под покровом ночи, снова нанесли ущерб членам коммуны, – сказал староста.

– Мы напустили ночью наш скот? Как вы можете говорить такое? – начал их староста.

– Ну хорошо, если не вы, то кто же это сделал? – возмущенно спросил дядя Арслан-Бек.

– Откуда мы можем знать? Разве кроме нас в округе нет других сел, других людей, другого скота? – отвечал их староста.

– Другим незачем причинять нам подобный ущерб, – продолжал дядя Арслан-Бек.

– А нам зачем? Вы не убили нашего человека, не отняли у нас ценности, а этот кусок земли мы не считали землей, – продолжал староста.

– Поверьте, – начал мулла, – здесь люди, убеленные сединами, говорят. Если не верите, они могут поклясться, положив руку на этот Коран и на хлеб. Он кивком головы указал на лепешку, которую держал в руках кадий.

В те времена у нас хлеб считался святыней. Поклясться

хлебом было то же самое, что класться Богом. Большим грехом считалось выбросить крошки хлеба, даже перевернуть хлеб нижней стороной вверх было непозволительно.

Готовность соседей принести клятву, возложив руки на эти святыни, окончательно рассеяли сомнения наших стариков. Они повернули обратно, за ними последовали мой дядя Арслан-Бек и все остальные. Старухи, готовые было сорвать платки с седых волос и бросить перед обнажившими оружие, тоже успокоились и поспешили домой.

Теперь члены нашей коммуны окончательно пали духом. Они неохотно убирали злополучный участок и многие просили, чтобы их исключили. Только мой дядя Арслан-Бек, его заместитель Дауд и другие мужчины решили не сдаваться и еще раз попробовать засеять выделенный участок неприхотливым корнеплодом – местной морковкой.

Наша морковь отличается от янтарно-желтой плоскостной. Она приблизительно такой же формы и размера, как плоскостная, только цвет другой – от темно-лилового, фиолетового до нежно-розового – и какая-то прозрачная, а главное, очень сладкая. Ребятишки грызли ее целыми днями.

За семенами нужно было ехать в город. Там можно было купить сколько угодно на базаре. Как только стаяли снега и весеннее солнце смягчило землю, мой дядя собрал оставшихся членов коммуны и отправился сажать морковь.

Со временем появились редкие всходы. Ботва была невысокой. Не радовались коммунары, но и не теряли надежду.

Кто-то успокоил, уверив, что это не плохо, значит, морковь пошла в корень, а не в стебли. Обеспокоенный судьбой урожая дядя Арслан-Бек сказала бабушке:

– Дадей⁴, на общественном участке я решил поставить сторожа. Просить чужих не хочется. Трое наших женщин обойдутся без тебя. Возьми с собой Пир-Будага, войлок, чтобы отделать шатер, еду и отправляйтесь на участок.

Бабушка не стала возражать, она только предупредила дедушку. Он одобрил решение сына и добавил:

– Давно это надо было сделать.

После обеда бабушка и Пир-Будаг, положив на плечи все необходимое, ушли на участок. Утром бабушка вернулась, чтобы сделать необходимые распоряжения по хозяйству и взять еду. Когда она собралась вновь уходить, я увязалась за ней:

– Не ходи, нечего тебе там делать, оставайся дома с дедушкой, – уговаривала она.

Тогда я начала плакать, вернее, сделала вид, что плачу.

– Возьми ее, пусть порезвится в поле, – сказал дедушка, приподнявшись с постели.

Бабушка, уходя, что-то буркнула, я выскочила за ней, позвала Китмира. Он лениво поднялся и поплелся за нами.

– Собаку зачем ведешь? – крикнула бабушка.

– Да пусть, веселее будет, – ответила я.

Идти было далеко, к полудню мы пришли. Еще издали я

⁴ Дадей – мама.

увидела небольшой шатер. Он стоял с возвышенной стороны общественного поля возле «Убежища шайтанов», где из-под скалы бил родник и струился ручейком по вырытой канавке.

Увидев нас, дядя Пир-Будаг обрадовался, видимо, ему было скучно одному Бабушка поставила перед ним галушки из пшеничной муки и глиняный кувшин с кислым молоком, а узелок с толокном и сыром отложила в сторону, сказав, что это на утро.

Пока дядя Пир-Будаг ел, я позвала Китмира и побежала к «Убежищу шайтанов». Уходя из дома, я сказала бабушке неправду, что беру Китмира ради веселья. Нет, я взяла его из-за страха, боялась чертей. Я подумала, мало ли чего они надумают ночью, когда мы будем спать возле их убежища!

Осторожно оглядываясь, как в те дни, когда мы приходили очищать целину от камней, я подходила, смотрела в расщелины, потом, позвав Китмира, спустилась в ущелье. Там я собрала много мелких круглых камешков, заглянула в щель, над которой вершины скал, нависая, образовали свод. Через него едва виднелась узенькая полоска неба.

Китмир напился воды из речушки, которая несла свои бурливые, пенистые струи, перескакивая с камня на камень, и мы снова поднялись наверх.

Как только стемнело, бабушка сказала:

– Залезайте в шатер, ляжем спать.

Я хотела лечь между бабушкой и дядей Пир-Будагом для безопасности, но Пир-Будаг сказала матери:

– Убери от меня этого маймуна⁵, а то будет дрыгать ногами.

– Ложись с этой стороны, – сказала бабушка, и я перелезла через нее.

Спать не хотелось, и мне почему-то стало грустно и немного страшно в пустынном поле. Да еще рядом с «Убежищем шайтанов». Вспоминая дом, дедушкину шубу и Коран под его подушкой, я сожалела, что не послушалась бабушку и пришла на это неудачливое поле на ночь глядя.

Через некоторое время из-под тучи выглянула луна, стало светлее. Вскоре бабушка захрапела, вслед за ней засопел и дядя Пир-Будаг. Я не спала, и Китмир тоже не спал. Устроившись у входа в шатер, положив голову на вытянутые лапы, он, наверное, думал о чем-то своем, как будто чувствовал или понимал, что я боюсь и нужно таким образом преградить путь «нечистым» силам, если они ночью выйдут из своих убежищ. Тогда у нас верили в существование чертей, домовых и всяких духов.

Когда я проснулась, ярко светило солнце. Бабушки не было. Дядя Пир-Будаг сидел у входа в шатер и ел толокно с сыром. Китмир лежал напротив и пристально смотрел, как он жует.

– Где бабушка? – спросила я, выходя из шатра.

– Ушла домой.

– Зачем?

⁵ Маймун – обезьяна.

– Как зачем, есть что будем? Надо же сготовить, принести.

Я села рядом с дядей. Он продолжал жевать, не обращая внимания ни на меня, ни на Китмира. Мне стало жаль пса. Я взяла немного толокна и насыпала перед Китмиром. Дядя Пир-Будаг, щелкнув меня по лбу, воскликнул:

– Ты что делаешь?

– Собака тоже хочет есть, – ответила я.

– Если голодный, пусть ловит сусликов или мышей и ест.

– Он же не кот, каких сусликов?

– А таких сереньких, как мыши или крысы.

– А где они живут?

– Здесь, в земляных норах.

– И мыши тоже?

– И мыши тоже.

Я очень боялась мышей и поэтому спросила:

– Суслики тоже кусаются, как мыши?

– Таких, как ты, сожрать могут.

– А разве собаки их едят? – дрожащим голосом спросила

я.

– Едят, если голодны.

Дядя Пир-Будаг имел привычку пугать меня, рассказывая страшные вещи. Когда я жаловалась бабушке или дедушке, он успокаивал меня, говоря:

– Не верь ему и не бойся, этот прохвост умеет приврать.

Я, конечно, не поверила, что зверек такой величины, как мышь, может сожрать меня, но укусить, конечно, мог. Гля-

дя на дядю, с жадностью уплетавшего содержимое узелка, я сказала:

– Оставь мне, я тоже хочу кушать...

– А ты мне оставляешь, когда дед дает тебе что-то?

Я надула губы и отодвинулась в сторону.

Наверное, ему стало стыдно, и он пододвинул ко мне то, что оставалось в узелке. Я съела остатки, еще раз кинув жмень Китмиру.

Дядя Пир-Будаг пошел в сторону скал и долго не возвращался. Потом пришел, вытащил из шатра свою овчинную шубу, расстелил на траве, лег, заложив руки за голову, и приказал мне:

– Пойди вырви несколько морковок, может, поспела.

Я побежала, вырвала стебельки, которые казались побольше. Но корешки их были похожи на нитки из грубой шерсти.

– Вот, еще не выросла, – сказала я, показав их дяде, и выбросила.

– Что-то мать не идет, – заметил Пир-Будаг, поднимаясь.

Я посмотрела в ту сторону, где за горой скрывался наш аул. Дядя Пир-Будаг предложил:

– Давай поиграем в камешки.

– Давай, – согласилась я, вытряхивая из кармана кругленькие беленькие речные камешки.

Дядя Пир-Будаг вырыл перочинным ножичком ямочку, отсчитал пять шагов, прочертил черту, и мы стали кидать. Камешки дяди Пир-Будага все попадали в цель, а мои рас-

сыпались по краям. Таким образом, он выиграл у меня все камешки. Тогда я спросила:

– Пойти вниз насобирать еще?

– Иди, – сказал он.

Я позвала Китмира, и мы бегом побежали вниз, к реке.

Когда я, набрав полный подол камешков величиной с крупный горох, поднялась вверх, дядя Пир-Будаг сказал:

– Надо сбегать домой, узнать, почему мама не идет.

– А я?

– А ты останешься здесь караулить поле.

– Не останусь одна, боюсь.

– Кого боишься? Кому ты нужна? С тобой останется Китмир.

– Все равно боюсь!

– Не будь трусихой, никто вас не тронет. Наоборот, если кто-нибудь увидит тебя с собакой, сразу испугается.

Он зашагал по тропе, потом, обернувшись, сказал:

– Залезай в шатер и там жди нас, сторожить будет Китмир.

Я вошла в шатер, легла на шубу, скучающим взглядом окинула старое полотнище шатра и еще раз пожалела о том, что пришла на это поле. Лежала я долго, о чем-то думая, и незаметно уснула.

Сколько спала, не знаю, но когда я проснулась, подумала, что наступило утро. Вышла из шатра. Ни бабушки, ни Пир-Будага, один Китмир лежит и скучающими глазами смотрит на меня. Солнце спряталось за гору. Сладко зевнув, я потя-

нулась и почувствовала, что мне куда-то надо сходить.

Продолжая тереть сонные полузакрытые глаза, я пошла в сторону скал, куда ходили бабушка и Пир-Будаг. Вдруг оступилась и почувствовала, что скольжу куда-то вниз, потом ноги уперлись во что-то твердое.

Только теперь я окончательно проснулась и с ужасом увидела, что стою над мрачной бездной, случайно удержавшись на плоском, скалистом уступе.

Охваченная страхом, я закричала с такой силой, что, казалось, содрогнулись мрачные скалы, а звонкое эхо разнесло мой крик по окрестным горам и долинам. Дрожа всем телом, я прижалась спиной к холодному граниту и голосом, полным ужаса и отчаяния, продолжала кричать.

Полоска темно-синего предвечернего неба, на котором мерцала одинокая звездочка, казалась спокойной, и вокруг царило безмолвие. Холодная дрожь пробежала по рукам, спине, ногам. Глянув в мрачную бездну, я еще раз крикнула и почувствовала, как крик оборвался хрипом.

Напряжение сменилось слабостью, стали подкашиваться ноги, на лице появился холодный пот, который струился по шее. Я присела на корточки, положила голову на камни, сжалась вся в комок, закрыв глаза, боясь шелохнуться.

Через некоторое время, немного придя в себя, я подняла голову, открыла глаза. Теперь узкая полоска неба потемнела и к одной прибавились еще несколько далеких звезд. Я попыталась крикнуть, напрягая все силы, но голоса не было.

Меня вновь сковал страх. Я закрыла глаза, из которых струились слезы. Ощущая сильную боль в застывших согнутых коленях, я не выдержала, села, с безразличием обреченной свесив ноги над бездной.

Одна мысль ужаснее другой лезли в голову. Дрожащие пальцы что-то искали, ощупывая уступы скал. И казалось мне, что вот-вот послышится легкий шум и появится рой злых духов, которые поднимутся из преисподней в эти каменные теснины, такие же мрачные и холодные, как их подземное царство.

С суеверным страхом, зажмурив глаза, я боялась пошевелиться, чтобы не полететь туда, где меня не отыщут не только люди, но и голодные орлы, гнездящиеся на вершинах этих вздыбленных гранитных громад.

Та страшная ночь тянулась, как кошмарная вечность, в полузабытьи, в полусознании. Порой меня охватывало отчаяние и хотелось, чтобы наступил конец, и лишь сила инстинкта самосохранения, наверное, удерживала меня от рокового рывка вниз.

Конечно же, я не знала, что там, наверху, возле «Убежища шайтанов», и внизу, в ущелье, с факелами в руках мучаются в поисках родные, близкие и поднятые по зову глашатая сельчане. И еще я не знала, что дедушка пригрозился убить бабушку и Пир-Будага, если меня не отыщут. И что он, не находя себе места, то ходил по комнате от стенки к стенке, то горячо молился в отчаянии, обратив невидящие глаза к

Всевышнему. Я, ни жива, ни мертва, с едва теплящейся надеждой на спасение, открывала глаза и, запрокинув отяжелевшую голову, поглядывала вверх на небо.

Когда прошла эта вечность длинной в короткую летнюю ночь, и я увидела над головой кусочек посветлевшего неба, и когда этот свет стал рассеивать мрак в верхней части бездны, я облегченно вздохнула, посчитав, что духи зла, испугавшись света, исчезнут и, значит, не тронут меня. Собрав остаток сил, я снова запрокинула голову, чтобы закричать, но не звук, а что-то похожее на писк вырвалось из горла.

А там наверху удрученные безрезультатными поисками коммунары во главе с дядей Арслан-Бекком строили догадки. Одни говорили, что меня уволокли и съели волки. Другие, в особенности женщины, уверяли, что меня утянули в свое убежище черти.

Один лишь старый Китмир, видимо, знал, где я нахожусь. Он то и дело бегал от шатра к злополучному обрыву, где обнюхивал края и, вытянув голову, старался заглянуть в пропасть.

Известный в нашем селе охотник Муса, как человек опытный и знающий собак, обратил внимание на поведение Китмира. Он пошел за ним, осмотрел край обрыва, попытался заглянуть вниз и услышал слабый писк.

Громкими криками он созвал людей и предложил опустить в этом месте кого-нибудь, обвязав веревкой. К счастью, крепкая веревка, прочная, как канат, оказалась у предусмотр-

рительного Арслан-Бека.

– Спустите меня, – сказал он, обвязываясь веревкой.

– Нет, пусть спуститься Пир-Будаг, – сказала бабушка.

Дядя Арслан-Бек затянул веревку вокруг пояса брата.

Несколько мужчин ухватились за концы, и дядя Пир-Будаг, упираясь ногами в отвесную каменную стену, пошел вниз. Достигнув того уступа, на котором сидела я, он чуть не наступил ногой мне на голову. Успев отдернуть ногу, он радостно закричал:

– Здесь! Она здесь! Жива!

И, схватив меня обеими руками, крепко прижал к себе и снова крикнул:

– Тяните обратно!

Когда нас подняли, бабушка вырвала меня из рук дядя Пир-Будага, прижала к груди и присела, обессилев от радости. Я увидела над собой десятки склоненных лиц, полных любопытства и удивления. Все вокруг, перебивая один другого, о чем-то спрашивали меня. А я, ничего не понимая, только хрипела.

Потом дядя Арслан-Бек посадил меня на плечо и понес домой. Кто-то из мальчишек успел прибежать в село и сообщил, что меня нашли. Глашатай влез на крышу и оповестил аул.

Пока меня несли домой, наша сельская сватья побежала к моему дедушке и стала кричать:

– Радостная весть! Радостная весть! Отец наш, Исмаил,

давай магарыч! Лейла нашлась! Ее несут.

Дедушка вынул из рукава своей шубы кошелек и дал хитрой сватье серебряный рубль.

Когда дядя Арслан-Бек вошел в дом и посадил меня на дедушкину постель, старик, протянув дрожащие руки, привлек меня к себе, обнял и что-то начал шептать. Наверное, благодарственную молитву Аллаху за то, что я осталась жива. Когда моя щека коснулась его щетинистой бороды, я почувствовала влагу. Не знаю, плакал он или мне почудилось. Мужчины наши не плакали, что бы ни случилось. Слезы расценивались как проявление слабости. Потом дедушка сказал Арслан-Беку:

– Сын мой, эта чужая земля не принесет нам добра, потому что она отнята, а не отдана от души. За ней тянутся сердца владельцев с проклятиями. Оставь ее и довольствуйтесь тем, что есть, как довольствовались отцы и деды.

Вечером, когда я легла возле дедушки, он позвал бабушку и посоветовал ей:

– Жена, найди амулет, пришей к платью девочки и на запястье привяжи «тигровый глаз» – бусинку от сглаза.

Дедушка не видел, но думал, что я очень красивая. Он часто легонько ощупывая меня, скользя пальцем по лицу – лбу, бровям, глазам, носу, губам. Наверное, боялся, что меня сглазят.

Тогда верили в сглаз и всем детям привязывали к ручке бусинки, черненькие, с беленькими точечками, похожими на

маленькие глазки. В те времена все в нашем ауле были суеверными. Моя бабушка не разрешала мне ловить мотыльков, которые влетали в комнату, когда зажигали лампу. Она говорила, что их трогать нельзя – это души умерших летают по вечерам. Будучи взрослой, познакоившись с историей древних культов, я узнала, что это элементы анимизма, сохранившегося в народе («анима» – по латыни «душа»). К анимистическим верованиям относился и обряд вызывания дождя при засухе, когда жители села, в основном женщины, выходили в поле, протягивали руки к небу и долго молились, произнося заклинания. И еще я помню, как одна женщина после родов поднялась на высокую гору и кричала проезжающему:

– Эй, человек, едущий на белом коне, сделай так, чтобы прибавилось молока в грудях моих!

Вскоре после того, как распалась коммуна, дядя Арслан-Бек уехал на заработки, оставив дома молодую жену.

Асват оказалась женщиной покорной, работающей и послушной. Бабушка была довольна ею, и я привязалась к ней.

Асват после отъезда дяди Арслан-Бека брала меня в свою комнату и укладывала спать с собой. И в гости к родителям или родственникам водила меня и подкладывала лучшие кусочки, когда нас угощали.

В один из летних вечеров, когда я и Асват легли спать на открытой веранде, бабушка подошла к нам и сказала, обратившись к Асват:

– Дочь моя, завтра встань пораньше и сходи на картофельное поле. Надо прополоть. А мы пойдем на пшеничное.

– Хорошо, мама, – ответила Асват.

– И я пойду с ней, – сказала я бабушке.

– Иди, если хочешь, – разрешила она.

Первой на заре проснулась Асват. Разбудив меня, она спросила:

– Ну что, пойдешь со мной или поспишь?

– Пойду! – сказала я и, поднявшись, быстро оделась.

Наше картофельное поле находилось на северо-западе, верстах в трех от села. Участок был небольшой, на щебенчатом склоне, обращенном к югу. Почвы как таковой было мало, в основном какая-то сухая смесь мелкого щебня с песком и глиной. Но картошка на этой почве вырастала крупная, белая, рассыпчатая и очень вкусная. До восхода солнца Асват успела прополоть почти половину участка, я тоже помогала ей вырывать сорняки. Потом она сказала мне:

– Пойди собери сушняк, вырой ямочку, положи туда сушняк к и подожги.

– Чем поджечь? – спросила я.

Асват подала мне спички.

– Смотри, зажигай только одну, зря не трать, – сказала она.

Я собрала побольше сушняка, вырыла ямку в земле, разожгла костер и подкладывала сушняк до тех пор, пока стенки ямки не побелели от жара.

– Готово! – крикнула я.

Асват подошла, высыпала с десяток клубней молодого картофеля в раскаленную ямку, а сверху положила плоский камень и насыпала горячей золы. Через некоторое время мы с удовольствием позавтракали. Печеный картофель в мундире с соленым сыром казались необыкновенно вкусными.

К полудню, закончив прополку, мы отдохнули немного, выпили воды, которую я набрала из речки, и пошли домой. Когда мы, обогнув небольшой пригорок, спустились к тропе, ведущей к селу, откуда-то вдруг выскочила Иза – бывшая нареченная дяди Арслан-Бека – и преградила нам дорогу.

– Чего тебе надо? – спокойно спросила Асват.

– А вот чего! – воскликнула Иза и ударила нашу невестку по лицу. Потом начала обзывать ее всякими скверными словами.

– Уйди! – глухим угрожающим голосом крикнула Асват.

Иза хотела ударить второй раз, но Асват схватила ее за руку, вывернула назад и свалила на землю. Они начали кататься по земле, попеременно одолевая друг друга, хватая за волосы, царапаясь, кусаясь и издавая какие-то глухие, рычащие звуки. Я бегала возле них и кричала диким голосом, зовя людей на помощь. А вокруг ни души. Эхо подхватило мои крики и унесло куда-то далеко.

Одежда у обеих была разорвана, волосы растрепаны, по рукам и лицу сочилась кровь, платки валялись в стороне. В особенности я сильно закричала, когда Иза оказалась над

Асват. Один раз я подбежала к ним и дернула Изу за волосы. Она пнула меня ногой, а в это время Асват подмяла ее под себя.

Не знаю, наверное, эта схватка соперниц кончилась бы плохо, если бы на мой крик не прибежал сельчанин Сагид и не разнял их. Держа за окровавленные руки, он повел их в село, оборванных и растрепанных. Я тоже побежала следом, подобрав платки и специальные мешкообразные головные уборы, в которые женщины прятали свои косы.

Сагид, придя в село, не отпустил их по домам, а сразу повел на площадь. Моментально сбежались люди. Некоторые мужчины – среди них староста и один из служителей мечети – сидели на годекане.

Сагид, глянув на меня, строго сказал:

– Отдай этим дурам платки, пусть покроют голову.

Я отдала платок Асват, а Изе кинула. Толпа на площади росла, в особенности много было ребятишек. Расталкивая взрослых, они лезли вперед и усаживались на землю. Я тоже села возле одного мальчика.

Староста и служитель мечети стали допрашивать Изу и Асват. Виновница драки больше молчала, глядя на судей исподлобья. Асват рассказала все, как было. Я как свидетельница крикнула с места:

– Да, Иза напала на нее первой.

– Ты сиди, тебя никто не спрашивает, – сказал мне Сагид.

– Лезешь везде! – буркнул, посмотрев на меня, мальчиш-

ка, сидевший рядом.

– А ты молчи, не твое дело, – ответила я ему тихо.

– Сама молчи, а то я тебе сейчас так же надаю, как надавала Иза вашей невестке.

– А ну, попробуй! – крикнула я и впилась в плечо мальчишки ногтями.

Нас разняли, подняли с земли и вытолкнули из передних рядов. За это время «судьи» вынесли приговор: оштрафовать обеих на рубль.

Конечно, приговор был несправедливым, потому что напала на нашу невестку Иза, но суд наших старейших был безапелляционным. Они, видимо, учли, что Асват была повинна в том, что отняла законного жениха у Изы.

Когда кончился суд, я взяла Асват за руку и мы пошли домой. После я рассказывала подружкам, что победу одержала наша Асват, что на теле Изы было больше синяков и царапин, чем у нашей Асват. Разговоров по этому поводу в нашем доме и селе хватило на месяц. В особенности расспрашивали меня, и я рассказала со всеми подробностями, уверяя, что если бы не подоспел Сагид, наша Асват оставила бы мокрое место от Изы.

Дядя Пир-Будаг, пожалуй, был единственным человеком в нашей семье, который относился ко мне недружелюбно. Из-за него со мной происходили всякие неприятности, граничащие с опасностью для жизни.

Однажды в период уборочной бабушка поднялась чуть

свет и, разбудив Пир-Будага, сказала ему:

– Мой сын, наточи лезвия серпов.

Он с трудом поднялся, потер кулаком сонные глаза, потом, потягиваясь и зевая, стал медленно водить оселком по лезвию серпа. Бабушка рассердилась, вырвала у него серп, ударила рукояткой по плечу Пир-Будага. Он вспыхнул, быстро натянул брюки и, хлопнув дверью, убежал из дома.

Бабушка, уходя с невестками в поле, сказала мне:

– Напомни таммалу, пусть к полудню принесет нам еду. Узелок с харчами и кувшин с бузой в погребе.

Часов тогда ни у кого не было, разве что у местных богачей. Время мы узнавали по солнцу, а в пасмурные дни – по призыву муэдзина на молитву. Когда солнце достигло огромного осколка скалы, торчащего возле хлева в нашем дворе, я поняла, что наступает полдень, и побежала за Пир-Будагом. Нашла его среди парней, купающихся в пруду.

– Дядя Пир-Будаг! – позвала его.

– Ну, что тебе надо? – спросил он сердито.

– Пора нести еду в поле, бабушка просила напомнить тебе.

– Я не пойду! Неси сама! – крикнул он и нырнул в воду.

Ничего не оставалось делать. Я вернулась домой, вошла в комнату. Дедушка спал. Я не стала его будить. Налила в кувшин воду, поставила возле таза. Спустилась в погреб, взяла в одну руку узелок, в другую – кувшин с бузой и пошла.

Поле было далеко от села. День жаркий, мучила жажда. Я часто останавливалась и прикладывалась к кувшину

с бузой. Буза – самодельный хмельной напиток, нечто вроде нефилтрованного пива. Хмель, видимо, подействовал на меня. Стала кружиться голова, пошатывало из стороны в сторону, ноги сделались ватными. Клонило ко сну.

Я свернула в сторонку на чужое гороховое поле. Высокие стебли конского гороха, почти созревшего, могли надежно укрыть от палящих лучей. Сначала я присела, решив отдохнуть, потом вытянулась, закрыла глаза и погрузилась в глубокий сон. Спала долго, крепко.

Наступил вечер. Как я узнала позже, усталые, голодные бабушка с тетушками вернулись с поля. Меня нет. Нет и еды с кувшином бузы. Дядя Пир-Будаг стал оправдываться, уверяя, что у него сильно болел живот и что он от этого чуть не умер, а потому заставил меня нести еду в поле.

Стемнело, обыскали дом, двор, обошли родственников – меня нет. Опросили соседских детей. Они в один голос утверждали, что видели, как я поднялась в гору и пошла в сторону полей с узелком и кувшином.

Организовали поиски. Сельчане собрались на площади, разделились на четыре группы. Одни пошли по большой дороге к райцентру, другие – вниз по реке, третьи – с пистолетами в руках – в сторону нашего поля по тропе, четвертые – к целинному полю коммуны. Некоторые искали меня баграми на дне пруда. А в доме метался по комнате охваченный беспокойством дедушка, не зная, что делать, не находя себе места.

Проснулась я от звука выстрела. Сначала спросонья ничего не могла понять. Потом ощутила что-то твердое под собой и увидела звездное небо. В это время где-то близко раздался второй выстрел.

Я окончательно пришла в себя и, вспомнив, где нахожусь, испугалась, стала плакать, потом поднялась, огляделась вокруг и увидела трех мужчин, стоявших в десяти шагах от меня.

– Вот она! – крикнул один из них и подбежал ко мне, схватил за руку. – Ты что здесь делала?

Я молчала в испуге.

– Разве не видишь, спала, – сказал другой, поднял с земли кувшин и узелок с едой.

Они повели меня куда-то. Когда вдали показались огни, я узнала свой аул и успокоилась. Наверное, было где-то около полуночи. К нам навстречу из села вышли мужчины и женщины.

– Слава Аллаху! – воскликнула одна женщина, посмотрев на меня.

Ночь была лунная, было хорошо видно. Пока меня вели домой, глашатай объявил, что я нашлась.

В эту ночь дедушке было плохо. Бабушка отпаивала его настоем чабреца, тмина и мяты. К утру он уснул. А мне не хотелось спать. Видимо, выспалась за весь день и половину ночи.

Осенью, когда привезли с поля последние снопы, бабушка сказала Пир-Будагу:

– Сын мой, завтра погони скот на сжатое поле. Может, там остались колоски, скотина подберет, да и сорняки после жатвы пощиплет.

Многие делали так.

У дяди Пир-Будага был странный характер: когда его кто-нибудь о чем-нибудь просил, он никогда не говорил ни да, ни нет. Видимо, долго думал и с трудом решал. Между прочим, это свойственно скупым людям, как я убедилась в жизни. И на сей раз дядя Пир-Будаг ничего не ответил бабушке.

Утром, когда его разбудила бабушка, уходящая на городское поле, и повторила свое распоряжение, он встал и начал будить меня.

Я не спала, но притворилась спящей. Когда он дернул меня как следует за ногу, я открыла глаза и скривилась от боли.

– Вставай! Чего лежишь до сих пор? – крикнул он.

– А что мне делать? Рано еще.

– Как что делать? Все женщины давно пошли на работу.

– Я не женщина...

– А кто ты, ханская дочь, что ли? А ну, быстро поднимайся и гони животных на сжатое поле!

– Бабушка сказала сделать это тебе.

– А ты еще и разговариваешь? Я тебе сейчас надаю!

Я хотела пожаловаться дедушке, но он припугнул меня, сказал, что запрет в погребе, если пойду ябедничать. Я вста-

ла, оделась, взяла хворостинку, а он открыл хлев и выгнал животных.

– Гони быстрее, одна нога там, другая здесь! – крикнул он вдогонку.

Я погнала. Коровы сначала норовили бежать в сторону пастбища. С трудом выгнала я их за село, на гору, а потом они пошли по тропе сами.

Поле было далеко, где-то через часа два я вернулась домой голодная, усталая. Когда солнце стало садиться, Пир-Будаг пришел с улицы и снова приказал:

– Быстро иди пригони скот обратно.

Я помчалась.

Бежать все время в гору было трудно. Пока добежала, устали ноги. Корова, телка, бычок разбрелись в разные стороны. Я согнала их в кучу, и прежде чем начать спускаться, решила сесть верхом на одну из коров, которая была спокойнее.

Сидеть верхом на корове было очень неудобно. У коров спина шире, чем у ишака, к тому же даже на оседланном ишаке спускаться по крутому склону тяжело, а на корове тем более. Чтобы не съехать на шею я прижимала ноги к бокам, а руками, упираясь, держалась за холку. Таким образом, до окраины аула доехала благополучно.

У въезда в село мне бы следовало спешиться, но нет, я решила с гордым видом проехать по улочкам. И вдруг откуда-то взялся бык. Он громко замычал и погнался за моим

стадом.

Поскольку корова, на которой восседала я, замыкала шествие, мне стало ясно, что опасность в первую очередь грозит мне. Я пригнулась и, напрягая все усилия, старалась удержаться на бегущей за всеми остальными бегущими животными корове.

На полном скаку мое маленькое стадо влетело в узкую улочку и помчалось вниз, а бык следом. Не знаю, каким чудом я удержалась на своем «скакуне» – помню одно: что всем телом я прижалась к хребту коровы и с ужасом ждала, что вот-вот копыта быка опустятся на мою несчастную голову. Еще больше страху нагоняли на меня и животных кричащие люди.

Спасла меня моя корова. В ту минуту, когда животные добежали до пруда, расположенного посередине нашего села, корова, на которой сидела я, круто свернула к воде и вошла по самое горло. Тут в моем затуманенном от страха сознании мелькнула мысль упасть в воду – все-таки не на камни... Я сделала рывок в сторону и плюхнулась в пруд. Утонуть мне не дали.

В это предвечернее время на годекане, расположенном прямо на южном берегу пруда, было полно мужчин. Многие из них еще до того, как моя корова, спасаясь от быка, забежала в воду, вскочили, услышав женские крики и топот копыт. Как только я очутилась в воде и, беспомощно барахтаясь, стала опускаться ко дну, двое молодых парней, словно

птицы, слетели вниз и вытянули меня на берег.

Наш дом был расположен недалеко от пруда. На крики и шум прибежали и мои тетушки с бабушкой, возвратившиеся с горохового поля.

Всплеснув руками, бабушка кинулась ко мне. Дядя Пир-Будаг тоже оказался рядом. Тетя Райганат взяла меня на руки и понесла домой.

– Что случилось? Что за шум? – стал спрашивать дедушка.

Я молчала от испуга и холода, у меня стучали зубы.

– Объясните, наконец, что случилось, – не унимался беспокойный дедушка, обратив белые зрачки к небу.

Тогда тетя Райганат ответила:

– Лейла упала в озеро.

– О, великий Аллах! Да что это за напасть! Или злой рок преследует бедное дитя! – взмолился дедушка.

Тетя Райганат и бабушка торопливо стягивали с меня мокрую одежду, а дядя Пир-Будаг смотрел на меня таким умоляющим взглядом, прикладывая указательный палец к губам, что решила на сей раз не выдавать его.

Тепло дедушкиной овчинной шубы хотя и согревало, но не спасло меня от болезни. Ночью появился сильный жар, но ничего не болело, и утром я побежала босиком по холодным осенним лужам. Жар снова появился к вечеру. Ночью даже бредила. Сначала думали, что у меня простуда, а потом, когда на теле появилась крупная красная сыпь, бабушка сказа-

ла:

– Это корь.

Даже в таком разукрашенном виде я вставала утром и выбегала босиком на улицу, пока с меня не осыпалась вся коревая «шелуха» и не выпал первый снежок. Удивительным кажется теперь, что никто из детей, игравших со мной в те дни, не заболел и не было никаких осложнений. Видимо, я была очень здоровой и закаленной.

И не только я, все люди и все дети были закаленными, потому что укутывать нас и обувать было не во что. В те времена босиком ходили все, за исключением мужчин и стариков. Подошва стопы от хождений на босу ногу становилась толстой, а зимой от холодных луж и ветра на ней образовывались «цыпки».

Вспоминая те далекие дни детства, я часто прихожу к выводу, что бедность – не только не порок, но даже имеет свои положительные стороны. Я не помню ни одного человека в ауле, который имел бы не только лишний, но даже нормальный вес. Все были поджары, выносливы и закалены.

Детишки, брошенные на целый день родителями, предоставленные сами себе, бегали или ползали по улицам и ни о каком регулярном питании не имели понятия. Как только становились на ноги, начинали топтать босиком. А чтобы в течение дня не ходили с обмоченными или испачканными штанишками, тем, кто не мог обслуживать себя, шили штаны с большими круглыми вырезами. Таким образом, малыш,

если приспичит, мог сидя или стоя оправить нужду, сохранив штанишки сухими. И не болели.

Конечно, изолированная жизнь, чистый воздух, вода, натуральная пища и полное отсутствие сладкого тоже играли положительную роль. Помню, дедушка всегда говорил Пир-Будагу, любившему поесть, когда он просил у матери добавки:

– Сын мой, не будь рабом своего чрева, запомни, сначала прожорливый человек пожирает пищу, а потом пища, отложенная в нем в виде жира, начинает пожирать его.

И еще помню, дядя Арслан-Бек как-то приехал из города и привез картину. На толстой блестящей бумаге был изображен человек, состоявший из одних окружностей: круглое мясистое лицо с заплывшими глазами, толстыми губами, круглые плечи, огромный круглый живот – в общем, что-то человекоподобное. Эту картину он приклеил на одну из стен нашей сакли. Люди приходили посмотреть на нее и восклицали:

– Тамаш! (что значит «диво»), – а потом спрашивали у дяди:

– Кто это?

Дядя отвечал:

– Буржуй!

Я запомнила это слово и тогда думала, что это имя несчастного уродца.

Мой дедушка всегда пил свежую сырую воду. Когда ему хотелось пить, он частенько посылал меня по воду с маленьким медным кувшином. Водовод находился рядом с годеканом и озером, недалеко от нашего дома. Вскоре после того, как я, судя по исчезновению сыпи, поправилась, дедушка послал меня за свеженькой водичкой. Я побежала.

В это осеннее утро на годекане было много мужчин. С краю, на скамье для молодежи, сидел дядя Пир-Будаг. Возле чана, где брали воду, никого не было.

Я шла неспеша. У самого чана меня догнала девочка, которая была постарше меня. Когда я подставила свой кувшин под струю, она выхватила его из моих рук и подставила свой.

Не долго думая, я подняла кувшинчик, подошла к той девочке и ударила ее по спине, не очень сильно. А она как заорет – будто ее смертельно ранили! Бросив свой кувшин, девочка упала на землю и начала корчиться.

Я испугалась, но убежать не стала. Начали сбегаться люди. Одна женщина наклонилась к ней и спрашивает:

– Что с тобой?

Девчонка, указывая на меня пальцем, кричит:

– Ударила по спине кувшином!

Подбежали молодые парни с годекана, с ними – мой дядя Пир-Будаг. Прибежали другие женщины, начали кричать, глядя на меня:

– Что это за бандитка? До каких пор она будет безнаказанно учинять расправы над нашими детьми! Послушай, Пир-

Будаг, если вы не укоротите ей руки, укоротим мы, не посчитавшись с почтенным возрастом твоего отца.

Разгневанный дядя Пир-Будаг схватил меня за руку и потащил. Я думала, что он тащит меня домой, потом смотрю, повел меня к столбу, который стоял возле площади. К этому столбу приезжие привязывали своих коней.

Поставив меня спиной к нему, он скрутил мои руки назад за столб и связал их. Я терпела. Даже не заплакала, хотя мне очень хотелось плакать. Теперь, обозлившись на дядю Пир-Будага, я очень сожалела, что в тот день, когда свалилась с коровы в озеро, скрыла от бабушки, что повинен во всем был он. «Но ничего, – думала я, – теперь все расскажу».

Я оказалась у всех на виду в таком жалком, беспомощном состоянии, но в то же время думала, что, чем больше я буду стоять здесь, тем больше будет жалеть меня бабушка и тем жестче будет спрос с Пир-Будага.

Меня окружила детвора. Среди них было несколько мальчишек из моих неприятелей. Один подошел ко мне совсем близко и показал язык. Я хотела ударить его ногой, но он успел отскочить.

Взрослые, проходившие мимо, посматривая на меня, улыбались, словно злорадствовали.

Потом мне надоело стоять, я с трудом опустилась на корточки. Руки ныли. Через некоторое время ко мне подошла одна из наших родственниц. Она разогнала ребятшек, которые, сидя напротив меня на значительном расстоянии, стро-

или мне рожицы.

– Кто тебя привязал? – спросила она.

– Дядя Пир-Будаг.

– Вот еще дурак! – воскликнула она и, освободив меня, сказала:

– Пойдем домой.

– Не пойду!

Она взяла меня за руку и стала поднимать. Я начала сопротивляться, повторяя:

– Не пойду, не пойду...

– Почему, – удивилась она.

– Назло дяде Пир-Будагу.

– Не хорошо, над тобой будут смеяться люди.

Тогда я медленно поднялась и пошла с ней.

Войдя в дедушкину комнату, родственница поздоровалась, потом начала говорить:

– Подумайте только, до чего дошел Пир-Будаг! Привязал ее к коновязи, как ишачонка, посмешище устроил из ребенка.

– Ты о чем говоришь? – раздраженно крикнула бабушка.

– О том, что слышите, а если не верите, пусть расскажет сама Лейла.

Родственница повернулась и вышла из комнаты.

– Подойди ко мне, – позвал дедушка.

Я подошла.

– Это правда?

– Да, – я села и начала рассказывать со всеми мельчайшими подробностями и в такой трогательной форме, что не только дедушке, но и самой мне стало себя жаль до слез.

Дедушка выслушал меня и ничего не сказал, даже на лице у него не выразилось возмущение. Я удивилась.

Молчал он весь день. Не вмешался в разговор, когда бабушка стала выговаривать Пир-Будагу, после того, как он вернулся домой. Но зато на другой день в доме произошло что-то страшное.

Поднявшись на рассвете, дедушка снял кнут, висевший на гвозде возле него, вошел в комнату, где спал дядя Пир-Будаг, сорвал с него одеяло и начал так хлестать, так хлестать, что перепуганный дядя Пир-Будаг вырвался и в одних подштанниках убежал во двор.

Я тоже испугалась. То ли от страха, то ли от жалости к дяде Пир-Будагу начала плакать. Бабушка вынесла во двор брюки и рубаху. Он оделся, ушел из дому и целый день не возвращался.

Когда мне исполнилось восемь лет, дедушка решил отдать меня местному учителю богословия – учить грамоте.

Редко кто из наших сельчан обучал своих детей, в особенности девочек. Сельский учитель алим Якуб учил только читать и писать. Смысл написанного в Коране на арабском языке ни сам учитель, ни кто другой в селе не знали. Заучивали механически, бесконечно повторяя.

Нашей «школой» была одна из комнат в доме алима Якуба. Дети, если их было немного, усаживались на полу вдоль стен. Учитель Якуб садился у дверей так, чтобы видеть всех. Ни карандашей, ни тетрадей не было.

Как и положено, начинали с азбуки. После того, как заучивали все буквы алфавита, начинали читать по складам. Теперь один читал вслух под контролем учителя, другие водили тонкими кизиловыми палочками по затейливой вязи строк.

С началом учебы боевой задор во мне погас, да и времени для беготни по улицам не оставалось.

Откровенно говоря, мой дедушка Исмаил давал мне в учебе больше, чем алим Якуб. Раньше я не знала, что мой дедушка был не просто умный от природы человек, но и ученый для своего времени. Как только я возвращалась из «школы», он сей же час начинал меня спрашивать, чем мы там занимались в течение двух-трех часов. Я садилась и пересказывала. После того как я кушала, он опять подзывал меня к себе, усаживал рядом, заставлял повторять весь алфавит и читать вслух. К моему удивлению, он знал все, что было написано на каждой странице и в каждой строке.

Дедушка сказал, что в сундучке дяди Арслан-Бека есть блокноты, бумаги и карандаши. Он разрешил мне взять один блокнот и один карандаш для того, чтобы я училась дома писать буквы, а потом составлять целые предложения. Я садилась на пол, клала на колени дощечку и начинала выводить

буквы. Он повторял:

– Не торопись, пиши в ряд, красиво, я проверю.

– А как проверишь, ты же не видишь?

– Ничего, проверю на ощупь, у меня на пальцах есть глаза.

Учитель Якуб, обнаруживая мои блестящие успехи в учебе, удивлялся и ставил меня в пример остальным. Он, конечно, не знал, какие усилия я прилагала к тому с помощью моего дедушки. Не зря ведь одна из восточных мудростей гласит: «Старание – от человека, благодать – от Бога».

Вскоре все жители аула узнали о моих невероятных способностях в учебе и изменили мнение обо мне, как о неисправимой разбойнице. Тревога за мою судьбу улеглась и в сердцах моей бабушки, тетюшек и всей родни. Дедушка торжествовал, хотя он, наверное, никогда и не сомневался в моих достоинствах и был уверен, что я когда-нибудь поумнею окончательно.

Похваливаемая дедушкой и учителем Якубом, я очень старалась, а вскоре даже начала писать письма чужим людям. Ко мне начали обращаться с просьбой матери, сыновья которых занимались в городах отхожим промыслом, и жены. Я писала письма с удовольствием, за похвалы и благодарности. Вот только для написания адреса по-русски им приходилось отправляться в райцентр к секретарю райсовета или почтовому чиновнику.

С начала учебы моя жизнь стала наполняться новыми открытиями, и главным из них был мой дедушка.

До этого я знала, что он – человек, обладающий большими знаниями. Весь Коран он знал наизусть и мог долго читать стихи и рассказывать легенды из священных писаний о сотворении мира, человека, жизни и борьбе Пророка Мухаммеда, его последователей и приверженцев.

Из рассказов бабушки мне стало известно, что дедушка в юности после окончания сельской школы стал муталимом – студентом – при окружной соборной или джума-мечети, а потом изучал курс теологии и мусульманского права в медресе одного из городов.

И своих сыновей он учил, но нужда заставила их оставить учебу и взяться за ремесло. Тогда в селах ученым людям не на что было существовать. Для отправления духовных и светских уложений в ауле было достаточно одного муллы, одного кадия, дибира, мудуна и муэдзина при мечети.

Младшего из сыновей, Пир-Будага, он хотел сделать ученым, но, к великому огорчению бабушки, в нем не обнаружилась склонность к познаниям. Тогда дедушка сказал: «Незачем тратить зря время и средства, достаточно того, что он научился читать и писать».

Дедушка был не просто ученым, но и философом. Он говорил:

«Склонность к праздной жизни и существованию за счет других свойственна людям ограниченным. Чем беднее разум, тем больше убеждений в собственном превосходстве над другими».

«Учить глупца насильно – значит усугублять его убежденность в несуществующих в нем достоинствах».

«Насильно обученный глупец, допущенный к власти, может причинить вреда обществу больше, нежели самый заядлый враг режима».

Все это дедушка читал, наверное, где-то или сам придумал.

Эти слова наводили меня на размышления. Ну, прежде всего мне не хотелось мириться с привилегированным положение таких мужчин, как дядя Пир-Будаг, или, скажем, как мой враг Иса. Другие тупые лодыри, которые учились со мной, могли занимать на годекане, свадьбах и всяких сборищах хотя бы последние места, а женщины, даже такие умные, как моя бабушка, не допускались... Мужчинам нашего дома – впрочем, как и во всех домах аула, еда подавалась отдельно. Женщины ели, сидя в сторонке от них, из общей миски. Но я, зная, что дедушке подавали в первую очередь и лучший кусочек, пристраивалась к нему, не взирая на недовольные взгляды тетушек.

Когда в доме появлялись гости, для них готовились праздничные блюда. Их усаживали в кунацкой на подушках. Перед ними расстилали скатерть. Еду подавали на больших медных луженых блюдах, не скупясь. Тогда у нас все были рады гостям, как праздничному дню.

И тут я, несмотря на всякие внушения со стороны старших, проявляла свою невоспитанность. Шла в кунацкую,

пристраивалась среди мужчин, причем усаживалась спиной к двери, так, чтобы не видеть искаженные злыми гримасами лица тетюшек и бабушки, угрожающие потрясения их пальцев и кулаков, которые сменялись умоляющими выражениями лиц.

Ну, а что касается кунаков, они поглаживали меня по голове. Кто бы осмелился выставит хозяйскую девчонку?

Вкусные праздничные блюда у нас готовились редко, пища в основном была простой, грубой, однообразной. Горячую пищу подавали в виде похлебки, готовили один-два раза в день – утром и вечером, – но по утрам не всегда. Естественно, меня в те годы детства беспокоила мысль, что все доставалось гостям-мужчинам. А если не все, то лучшее, хотя оставляли нам, женщинам. Тогда я не знала, что наши мужчины отличались умеренностью в еде, никогда не наедались до сыта, чтобы не уподобится брюхатым бабам, которые своими жировым округлостями, посаженными на седло, могут испортить вид самого грациозного скакуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.